
WIDENER LIBRARY
HX 78J9 7

СИНТАКСИСЪ

ЯЗЫКА РУССКИХЪ ПОСЛОВИЦЪ.

П. ГЛАГОЛЕВСКАГО.

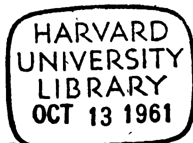
(НАПЕЧАТАНО ВЪ ЖУРНАЛѢ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ).

Цѣна 35 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 6 ноября 1873 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 л., № 45).

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ

ВЛАДИМІРА ИВАНОВИЧА

ДАЛЯ.

СИНТАКСИСЪ ЯЗЫКА РУССКИХЪ ПОСЛОВИЦЪ.

Грамматика не только могла бы и должна бы многому научиться у пословицъ, но должна бы быть по нимъ, во многихъ частяхъ своихъ, вновь переверстана.

В. И. Даль. Послов. р. нар. Напутное, стр. XXVIII.

Пословицы создавались, передавались отъ поколѣнія къ поколѣнію и хранятся до сихъ поръ почти исключительно въ народѣ простомъ, еще не испытавшемъ на себѣ вліянія европейской образованности. Что же касается образованнаго класса, то у него — скажемъ словами г. Даля — „пословицъ нѣтъ; попадаются только слабые, искалѣченные отголоски ихъ, переложенные на наши нравы, или испошленные не русскимъ языкомъ, да плохіе переводы съ чужихъ языковъ“ (Напутн. къ Посл. русск. нар., V). Притомъ несомнѣнно, что бо́льшая часть пословицъ явилась въ ту пору, когда еще не выдѣлялся изъ народа такъ-называемый образованный классъ и когда весь народъ говорилъ однимъ языкомъ. Поэтому языкъ пословицъ по справедливости можетъ быть названъ языкомъ въ тѣсномъ смыслѣ *народнымъ*. Но если мы сравнимъ народный языкъ пословицъ съ языкомъ другихъ произведеній народнаго творчества, какъ напримѣръ былинъ, сказокъ, пѣсенъ и т. п., то окажется, что первый одною важною особенностію существенно отличается отъ послѣдняго. Отличительную черту языка пословицъ составляетъ особенная любовь къ эллиптическимъ выраженіямъ. Пословицы всегда раждались и жили въ живой, разговорной рѣчи; онѣ не выдумывались, не сочинялись, а вырывались изъ устъ какъ-бы невольно, случайно, въ жару живаго, увлекательнаго разговора. Въ живой же, разговорной рѣчи многія слова часто не досказываются, замѣняясь тономъ голоса, выраженіемъ

лица и тѣлодвиженіями. Поэтому языкъ русскихъ пословицъ представляетъ всѣ особенности *разговорнаго* языка русскаго народа.

Послѣ этого не нужно доказывать трудность изученія и научнаго объясненія синтаксическихъ особенностей языка пословицъ. Къ сожалѣнію, выполненіе этой задачи въ настоящее время еще слишкомъ мало облегчается предшествовавшими трудами по русскому языку. Въ немногихъ ученыхъ трудахъ встрѣчаются пока только отрывочныя толкованія и замѣтки по синтаксису народнаго языка. О практическихъ грамматикахъ и говорить нечего. Только г. Стоюнинъ въ своемъ „Русскомъ Синтаксисѣ“ (С.-Пб. 1871 г.), не удовлетворяясь тѣми блѣдными, безцвѣтными, ординарными случаями изъ русскаго синтаксиса, въ которыхъ нашъ языкъ ничѣмъ не отличается отъ родственныхъ языковъ и на которыхъ обыкновенно только и останавливались наши практическія грамматики, собралъ, разсортировалъ и объяснилъ (какъ? — это другой вопросъ) множество чисто-русскихъ оборотовъ рѣчи, въ которыхъ, по преимуществу, выражается духъ нашего языка. Но такого труда, который бы спеціально былъ посвященъ народному языку и, въ частности, его синтаксису, въ нашей литературѣ еще нѣтъ. Рѣшаясь изложить результаты изученія въ этомъ отношеніи русскихъ пословицъ, мы утѣшаемся тою мыслью, что если нашъ трудъ самъ собою не принесетъ большой пользы наукѣ, то, по крайней мѣрѣ, онъ вызоветъ на обсужденіе отмѣченныхъ нами фактовъ людей, болѣе насъ свѣдущихъ въ отечественномъ языкѣ, и можетъ-быть побудитъ кого-нибудь къ болѣе обширному изслѣдованію народнаго языка.

Результаты наблюденій надъ синтаксисомъ языка пословицъ можно было бы представить въ видѣ „русскаго синтаксиса на основаніи пословицъ“; но въ такомъ случаѣ пришлось бы отмѣчать множество такихъ фактовъ, которые, нисколько не характеризуя синтаксиса языка пословицъ, составляютъ общее достояніе и русскаго книжнаго языка, и другихъ, родственныхъ ему языковъ. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы отмѣтить *характеристическія черты* синтаксиса языка пословицъ, какъ языка народнаго. — На этомъ основаніи, тѣ обороты рѣчи, которые хотя и встрѣчаются въ пословицахъ, но въ то же время обыкновенно употребляются и въ книжномъ русскомъ, и въ родственныхъ славянскихъ языкахъ, не входятъ въ наше понятіе о синтаксисѣ языка русскихъ пословицъ. Но такъ какъ, съ другой стороны, въ книжномъ языкѣ встрѣчаются иногда и выраженія чисто-народной рѣчи, то въ числѣ приводимыхъ нами характеристическихъ явленій

синтаксиса пословицъ читатель найдетъ и такіе обороты рѣчи, которые встрѣчаются въ книжномъ языкѣ. Во всякомъ случаѣ, наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ языкъ русскихъ пословицъ въ нашемъ очеркѣ явился съ своими типическими чертами, какъ языкъ *разговорно-народный*. Этою цѣлію и объясняется то, что на однихъ предметахъ, какъ напримѣръ на употребленіи предлоговъ, мы вовсе не останавливаемся; на другихъ, какъ на выраженіи подлежащаго и на употребленіи нѣкоторыхъ падежей, останавливаемся мало, а на иныхъ, какъ напримѣръ на сказуемомъ, можетъ-быть, останавливаемся уже слишкомъ долго.

Въ своемъ изложеніи мы будемъ слѣдовать, главнымъ образомъ, общепринятому въ грамматикахъ плану, то-есть сначала будемъ имѣть дѣло съ простымъ предложеніемъ, а потомъ съ предложеніемъ сложнымъ. Въ простомъ предложеніи, также по общему обычаю, начнемъ съ подлежащаго.

Мѣсто *подлежащаго* въ предложеніи принадлежитъ собственно имени существительному въ именительномъ падежѣ. Но такъ какъ значеніе именъ существительныхъ могутъ принимать и нѣкоторыя другія части рѣчи, то обыкновенно какъ въ русскомъ, такъ и въ другихъ языкахъ подлежащее выражается еще существительною формою глагола, называемою обыкновенно неопредѣленнымъ наклоненіемъ, именемъ прилагательнымъ въ муж. и средн. родѣ и мѣстоименіемъ. Кромѣ того, подлежащее можетъ составляться изъ всякаго рода вносныхъ словъ (послышалось „Господи, помилуй!“ загремѣло „ура“). Языкъ русскихъ пословицъ пользуется въ этомъ отношеніи большою свободой. Такъ, въ немъ очень часто мѣсто подлежащаго занимаютъ въ значеніи именъ существительныхъ слова неизмѣняемыя. Напримѣръ:

1. Одно *нынче* лучше двухъ завтра (Даль. Пословицы русскаго народа, стр. 30) [1]).
2. *Авось* да *живетъ* къ добру не доведетъ (101).
3. *Авось* небосю родной братъ (40).
4. *Пожалуйста* не кланяется, а *спасибо* спины не гнетъ (120).

---

[1]) Пословицы приводятся, съ обозначеніемъ страницъ, по книгѣ В. И. Даля: «Пословицы русскаго народа». (М. 1862 г.).

Въ приведенныхъ примѣрахъ слова — *нынче, авось, живетъ, пожалуйста* и *спасибо* употреблены, какъ подлежащія-существительныя. Синтаксическое тожество этихъ словъ съ именами существительными въ приведенныхъ выраженіяхъ легко доказать замѣною первыхъ послѣдними: *авось* въ нашихъ выраженіяхъ значитъ тоже, что безумная отвага, легкомысленный разсчетъ на удачу; *живетъ* — излишнее самодовольство, или довольство неудовлетворительнымъ положеніемъ дѣлъ; *пожалуйста* — просьба, *спасибо* — благодарность. Но нельзя не сознаться, что народныя формы подлежащаго сообщаютъ выраженіямъ живость и бойкость разговорной рѣчи; между тѣмъ какъ поставленныя вмѣсто ихъ имена существительныя дѣлаютъ рѣчь болѣе сухою и отвлеченною. Синтаксическій переходъ неизмѣняемыхъ словъ по значенію въ имена сущ. нагляднѣе всего доказывается въ языкѣ пословицъ тѣмъ, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ даже склоняются, если только представляютъ къ этому возможность своею формой, какъ напримѣръ: „Изъ *спасиба* шубы не шить" (120); „*Спасибомъ* сытъ не будешь" (120); „*Авося* жданки съѣли" (101); „*Авосю* вѣрь не вовсе" (101); склоненіе *небось* см. въ приведенномъ выше 3 примѣрѣ.

Среди пословицъ встрѣчаются примѣры употребленія даже личныхъ глагольныхъ формъ въ значеніи подлежащихъ - существительныхъ; но въ такомъ случаѣ онѣ непремѣнно имѣютъ значеніе именъ собственныхъ.

5. *Подари*-то померъ, а остался въ живыхъ братъ его, *купи* (632).

6. Вотъ идетъ *расплети-косу, потеряй-красу* (386).

Въ первомъ изъ этихъ выраженій *подари* и *купи* должны быть разсматриваемы, какъ собственныя имена двухъ братьевъ, а во второмъ *расплети-косу, потеряй-красу* служитъ собственнымъ именемъ свахи.

При этомъ мы считаемъ нужнымъ сдѣлать особенное замѣчаніе относительно слѣдующей пословицы:

7. *Есть* у молодца не хоронится, а *нѣтъ* не воротится (241).

Подлежащія — *есть* и *нѣтъ* въ этомъ выраженіи несправедливо было бы принимать за ф. 3-го л. ед. ч.; такъ какъ личныя формы глаголовъ въ народномъ языкѣ могутъ принять значеніе подлежащихъ только какъ имена собственныя. За то пословицы: „всякаго *нѣта* спасено съ лѣта" (534), „по *естю* старецъ келью строитъ", показываютъ, что *есть* и *нѣтъ* (= нѣсть = не есть) употребляются въ языкѣ пословицъ иногда какъ имена существительныя. Понятно, что и въ 7-мъ примѣрѣ *есть* и *нѣтъ* — имена существительныя или существительныя формы глагола: это въ данномъ случаѣ совершенно

безразлично, потому что извѣстно, что формы *есть* и *нѣтъ* перешли въ имена существительныя, какъ существительныя формы глагола (*ес* — корень, *тъ* — окончаніе сущ. формы). Напротивъ, въ пословицѣ: „*есть* словцо, какъ медъ, сладко; *нѣтъ* словцо, какъ полынь, горько" (241) *есть* и *нѣтъ* должны быть признаны формами 3 л. ед. числа; но за то онѣ и разбираются въ данномъ выраженіи не какъ подлежащія, а какъ приложенія къ подлежащему — *словцо*.

Какъ мѣсто подлежащаго принадлежитъ собственно имени существительному, такъ основною формой *сказуемаго* служитъ глаголъ. Мы остановимся на тѣхъ глагольныхъ формахъ, которыя въ языкѣ пословицъ, какъ и вообще въ народномъ языкѣ, несравненно чаще, чѣмъ въ языкѣ книжномъ, являются съ своеобразнымъ синтаксическимъ значеніемъ.

Къ числу такихъ формъ принадлежитъ существительная форма глагола. Прежде она приравнивалась нашими грамматиками къ неопредѣленному наклоненію глагола въ родственныхъ языкахъ. Но начатыя недавно изслѣдованія въ области народнаго языка привели къ открытію такихъ свойствъ существ. формы русскаго глагола, какихъ прежде въ ней и не подозрѣвали. Дѣло въ томъ, что эта форма въ русскомъ народномъ языкѣ очень часто употребляется, какъ самостоятельное сказуемое, замѣняя собою, съ особеннымъ, конечно, оттѣнкомъ въ мысли, всѣ личныя формы глагола. Притомъ, она употребляется или въ качествѣ такъ-называемаго безличнаго предложенія (то-есть сказуемаго безъ подлежащаго), для выраженія независимаго дѣйствія, или какъ сказуемое при опредѣленномъ подлежащемъ. Отмѣтимъ здѣсь важнѣйшіе случаи употребленія существительной формы глагола въ качествѣ сказуемаго.

Чаще всего существительная форма русскаго глагола, какъ безличное предложеніе [1]), употребляется для выраженія роковой необходимости.

1. Чему *быть*, того *не миновать* (26).
2. Чему *быть*, тому и *статься* (26).
3. Кому *сгорѣть*, тотъ не утонетъ (28).
4. Воронѣ соколомъ *не бывать* (800).
5. Глуби моря *не высушить*, горю сердца *не вымучить* (187).
6. Сколько ни браниться, а *быть* помириться (272).

---

[1]) Этотъ не совсѣмъ точный терминъ мы допускаемъ ради его краткости, для обозначенія такого сказуемаго, которое, безъ подлежащаго, выражаетъ совершенно независимое дѣйствіе.

7. Сколько ни плакать, а *быть* перестать (136).

8. Сколько ни искать, а милости у людей *не сыскать* (104).

9. Сколько воды ни пить, а *пьяну не быть* (702).

Относительно выраженій этого разряда нужно сдѣлать два замѣчанія. 1) Такъ какъ факты, представляемые въ нихъ неизбѣжными, относятся къ будущему времени, то и существительныя формы глагола, употребленныя для ихъ выраженія, ближе всего подходятъ по смыслу къ той личной формѣ, съ которою у насъ, по преимуществу, соединяется смыслъ будущаго времени. Но несправедливо было бы думать, что существительная форма глагола, выражающая роковую неизбѣжность, совершенно тожественна съ названною личною формой. Конечно, пословица „воронѣ соколомъ не бывать" (примѣръ 4) скорѣе всего можетъ быть замѣнена выраженіемъ: „ворона соколомъ не будетъ"; но все-таки очевидно, что пословица въ томъ видѣ, какъ она создалась въ народномъ языкѣ, рѣзче и энергичнѣе выражаетъ неисполнимость превращенія вороны въ сокола, чѣмъ въ нашей передѣлкѣ. Существительная форма глагола съ дат. дополненія [1]) потому и способна выразить неизбѣжность какого-либо факта, что ею въ этомъ случаѣ обозначается такое дѣйствіе, которое въ своемъ проявленіи не зависитъ ни отъ какого дѣйствующаго предмета, а, напротивъ, само направляется на другой предметъ, какъ на свою *цѣль;* оттого, предметъ, который является какъ-бы жертвою абсолютнаго дѣйствія, выражаемаго сущ. формою глагола, ставится всегда въ *дательномъ* падежѣ. Отсюда ясно, въ какой степени долженъ измѣниться смыслъ цѣлаго выраженія съ превращеніемъ дат. падежа въ именит., а существ. формы въ будущее время: дѣйствіе, обратившись въ признакъ предмета, необходимо уже теряетъ свою безусловную независимость и самостоятельность. 2) Изъ примѣровъ 6—9 мы видимъ, что вторыя части этихъ сложныхъ предложеній, выражающія въ сущ. формѣ неизбѣжность состоянія или дѣйствія, оказали вліяніе на форму сказуемаго и въ первыхъ частяхъ, начинающихся съ нарѣчія-союза *сколько ни:* подъ вліяніемъ вторыхъ частей, сказуемыя въ первыхъ являются въ существ. формѣ. Если во вторыхъ частяхъ приведенныхъ примѣровъ мы превратимъ сущ. форму въ личную, то это превращеніе необходимо повлечетъ за собой соотвѣтствующее измѣненіе и въ пер-

---

[1]) Этотъ дательный иногда не высказывается, но, тѣмъ не менѣе, долженъ подразумѣваться.

выхъ частяхъ. Такъ, 6-й примѣръ пріиметъ у насъ такой видъ: „сколько ни *будешь браниться* (или: „сколько ни бранись“), а *будетъ* помириться (то-есть мировая); 9-й примѣръ: „сколько ни *будешь искать* („сколько ни *ищи*“), а милости у людей *не сыщешь*“...

Далѣе, существительная форма глагола, какъ безличное предложеніе, употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно выразить только дѣйствіе безъ отношенія къ дѣйствующему лицу и безъ всякаго спеціальнаго значенія.

10. *Поглядѣть* — картина, а *послушать* — животина (764).
11. *Знать* волка и въ овечьей шкурѣ (19).
12. И по рожѣ *знать*, что Созономъ звать (774).
13. *Не стать* говорить, такъ и Богъ не услышитъ (445).
14. *Не устать* ждать, только бы выждать (101).
15. Не просвирнино дитя: *не видать* сквозь тебя (26).

Существительная форма въ каждомъ изъ приведенныхъ выраженій удобнѣе всего можетъ быть замѣнена формою 2-го лица на *шь*, относимою ко всякому лицу: „*поглядишь* — картина, а *послушаешь* — животина“ (прим. 10); „*не станешь* говорить, такъ и Богъ не услышитъ“ (прим. 13).

Нерѣдко существительная форма глагола въ видѣ сказуемаго (безъ подлежащаго) встрѣчается въ вопросахъ, выражаемыхъ съ оттѣнкомъ сомнѣнія и раздумья. Въ этомъ случаѣ существительная форма русскаго глагола соотвѣтствуетъ сослагат. наклоненію въ латинскомъ языкѣ.

16. Что съ нимъ *дѣлать?* шапки не сымешь съ него (585).
17. О чемъ тому *тужить*, кому есть чѣмъ жить (54).
18. Что тому богу *молиться*, который не милуетъ (20).
19. Дадутъ дураку честь, такъ не знаетъ, гдѣ и *сѣсть* (804).

Замѣчательнѣйшую особенность синтаксиса языка пословицъ, какъ и вообще русскаго народнаго языка, составляетъ употребленіе существительной формы глагола въ значеніи самостоятельнаго сказуемаго въ выраженіяхъ: *есть, было, будетъ кого — чего, кому — чему* и т. д. и въ образовавшихся изъ нихъ отрицательныхъ выраженіяхъ: *некого, нечему, некогда, негдѣ* и т. п.

20. За мужнину жену есть кому *вступиться* (390).
21. Было бы чѣмъ *честить* (потчивать), а честь добудемъ (804).
22. Терпѣть не бѣда, было бы чего *ждать* (102).
23. *Журить, бранить* есть кому, а *жаловать* некому (34).

24. Есть что *слушать*, да нечего *кушать* (440).

25. Когда нечѣмъ *заплатить* долгу, ѣхать будетъ на Волгу (584).

26. Некуда головы *приклонить* (84).

Во всѣхъ приведенныхъ здѣсь выраженіяхъ существительная форма глагола можетъ быть замѣнена прилагательною формою глагола съ частицею *бы*, служащею для обозначенія возможныхъ и предполагаемыхъ дѣйствій. Такимъ образомъ 1-й примѣръ совершенно равняется слѣдующему выраженію: „есть (тотъ), кто *вступился бы* за мужнину жену“. Что касается отрицательныхъ выраженій (23—26), то въ нихъ, для такой замѣны, всегда слѣдуетъ разлагать отрицательныя мѣстоименія и нарѣчія на ихъ составныя части: некому = нѣтъ (= не есть) кому, нечѣмъ = нѣтъ чѣмъ, негдѣ = нѣтъ гдѣ, или: некому = нѣтъ того, кому; некуда = нѣтъ того (мѣста), куда; негдѣ = нѣтъ того (мѣста), гдѣ. Поэтому выраженіе: „жаловать некому“ можетъ быть измѣнено такимъ образомъ: „нѣтъ того, кто жаловалъ бы“. Отсюда слѣдуетъ, что въ примѣрахъ 20—26 существительная форма глаголовъ выражаетъ возможность дѣйствія. Но, говоря это, мы вовсе не допускаемъ возможности дополнять существительныя формы приставкою словъ — *можно* и *льзя:* отъ этихъ дополненій смыслъ разсматриваемыхъ пословицъ стѣснился бы въ той мѣрѣ, въ какой строго опредѣленный смыслъ словъ — *льзя* и *можно* тѣснѣе и уже общаго смысла возможности, заключеннаго въ существительной формѣ глагола при извѣстной обстановкѣ.

Наконецъ, существительная форма глагола, въ видѣ сказуемаго безъ всякаго подлежащаго, съ частицею *бы* постоянно употребляется для выраженія желанія и условія. Частица *бы* является или одна, или въ связи съ другими частицами. Напримѣръ:

27. Конямъ *бы не изъѣзживаться*, цвѣтну платью *не изнашиваться* (310).

28. Не устать ждать, только *бы выждать* (101).

29. *Кабы* [1]) *знать*, что у кума пировать, и ребятишекъ бы привелъ (875).

Относительно этихъ и подобныхъ имъ выраженій слѣдуетъ замѣтить, что они сохраняютъ существительную форму глаголовъ-сказуемыхъ только при отсутствіи грамматическаго подлежащаго (разумѣется, въ именительномъ падежѣ); но какъ только является потребность вы-

---

[1]) *Кабы* — искаженное *какъ-бы, когда-бь*.

двинуть на видъ такое подлежащее, существительная форма превращается въ прилагательную, извѣстную болѣе подъ именемъ прошедшаго времени дѣйств. залога. Такъ, напримѣръ, предложеніе: *кабы знать* не имѣетъ подлежащаго и потому сохраняетъ существительную форму; но если мы подставимъ въ это выраженіе подлежащее *я*, то оно уже не удержится въ прежнемъ видѣ *(кабы я знать)*, а приметъ прилагательную глагольную форму: *кабы я зналъ.*

Мы привели нѣсколько выраженій, въ которыхъ существительная форма глагола выражаетъ совершенно самостоятельное, ни отъ кого и ни отъ чего независимое дѣйствіе, и потому сама по себѣ составляетъ предложеніе. Но въ народномъ языкѣ есть и такіе обороты рѣчи, въ которыхъ существительная форма глагола наравнѣ съ личными формами употребляется, какъ сказуемое, при опредѣленномъ подлежащемъ. Впрочемъ, такія выраженія въ языкѣ пословицъ и поговорокъ, по самому характеру ихъ содержанія, попадаются рѣдко и случайно; они наиболѣе свойственны народной повѣствовательной рѣчи. Вотъ, впрочемъ, нѣсколько такихъ выраженій, найденныхъ нами среди пословицъ и поговорокъ:

30. Люди *пировать*, а мы *горевать* (34).
31. Люди *молотить*, а онъ замки *колотить* (156).
32. Мужъ въ поле *пахать*, а жена руками *махать* (397).
33. Мужъ *зѣвать*, а жена *спать* (170).

Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что языкъ пользуется такими выраженіями въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно, помимо всѣхъ другихъ обстоятельствъ дѣйствія, выразить исключительно только его напряженность или неопредѣленную продолжительность. Съ существительными формами въ данныхъ выраженіяхъ не соединяется никакого понятія о времени. Нельзя спросить: когда люди пировать, а мы горевать? Такой вопросъ былъ бы безсмысленъ. Если сказано: „люди *пировать*, а мы *горевать*“, то существительною формою уже показывается, что здѣсь разумѣется не прошедшее, не настоящее и не будущее, а какое угодно время, или всѣ времена вмѣстѣ и ниодно въ частности. Мы считаемъ излишнимъ полемизировать съ тѣми грамматистами, которые при существительной формѣ подразумѣваютъ личныя формы глаголовъ, которымъ они и приписываютъ значеніе сказуемыхъ. Они особенно склонны подразумѣвать въ этихъ выраженіяхъ глаголы: *начать* или *стать*. Но, по нашему мнѣнію, тамъ рѣчь идетъ вовсе не о началѣ дѣйствія, а о самомъ дѣйствіи, понимаемомъ подъ единственнымъ

условіемъ напряженности или продолжительности. Мы не отрицаемъ, что при синтаксическомъ анализѣ иногда бываетъ необходимо подразумѣвать опущенныя слова, но эта необходимость ясно опредѣляется наличными членами предложенія. Такъ, въ 32 примѣрѣ мы не могли бы объяснить синтаксическаго значенія обстоятельственнаго слова — *въ поле* (*куда* пахать? безсмыслица), если бы не подставили какого-нибудь глагола движенія, напримѣръ „отправляется, отправился" и т. п. Но если, вмѣсто правописанія — *въ поле* (куда?), какъ у Даля, принять другое — *въ полѣ* (гдѣ?) то подразумѣвать ничего не нужно, потому что все выраженіе и безъ того понятно въ общемъ и въ частностяхъ.

Послѣ существительной формы глагола, общая личная форма (на *и, ь, й*), извѣстная болѣе подъ именемъ повелительнаго наклоненія, представляетъ наиболѣе особенностей въ синтаксическомъ употребленіи, какъ сказуемое. Прежде всего замѣтимъ относительно самой формы, что въ народномъ языкѣ и, въ частности, въ языкѣ пословицъ она употребляется въ связи со всѣми лицами обоихъ чиселъ и потому справедливо можетъ быть названа *общею личною формой*. Примѣры яснѣе покажутъ это.

1. *Ты*, земля, *трясися*, а *мы* за колышки *держися* (104).
2. *Будь деньги* за богачемъ, оставался бы хлѣбъ за нами (77).
3. *Свои собаки гложись*, а *чужія не вяжись* (273).
4. *Вы тонись*, а *мы* къ берегу *гребись* (672).
5. *Тони* (тотъ), кому охота, а мы на песочекъ (672).

Общая личная форма въ живой народной рѣчи принимаетъ разнообразное значеніе. Мы уже не говоримъ объ употребленіи этой формы для выраженія *просьбы, совѣта, приказанія*. Наша задача — выдвинуть на видъ только оригинальныя черты въ синтаксическомъ употребленіи разсматриваемой формы. Съ этой точки зрѣнія мы должны остановить вниманіе на употребленіи общей личной формы вмѣсто прилагательной и частныхъ личныхъ формъ.

6. Такой человѣкъ, что *не пролей* капельку (889).
7. Онъ съ нимъ *лей, перелей* (855).
8. *Знай* свое наладилъ; *знай* одно да одно (686).

Въ 6 примѣрѣ *не пролей* = *не прольетъ* (въ немъ характеризуется пьяница); въ 7-мъ *лей, перелей* = *льетъ, переливаетъ*, или *лилъ, переливалъ*, если дѣйствіе относится къ прошедшему времени; въ 8-мъ примѣрѣ *знай* = *знаетъ* и выражаетъ упорную сосредоточенность, или настойчивость дѣйствующаго лица на своемъ дѣйствіи.

Общая личная форма употребляется иногда вмѣсто существительной формы глагола. Например:

9. Рубаха холщевая, хоть огня *присѣки* (641).

Что дѣйствительно форма — *присѣки* можетъ быть замѣнена существительною формой — *присѣчь*, доказывается самимъ же языкомъ: приведенная пословица ходитъ и въ такомъ въ видѣ: „Рубаха, хоть огня *присѣчь*“ (641).

Замѣтимъ, наконецъ, что въ народномъ языкѣ пословицъ условіе и предположеніе особенно часто выражаются общею личною формой.

10. *Не будь* лжи, не сталобъ и правды (196).

11. *Напади* Богъ, нападутъ и добрые люди (8).

12. *Кинь* корочку нà гору, придетъ къ тебѣ нà пору (120).

13. *Разорвись* нà двое — скажутъ: а чтó не пà четверо? (121).

14. *И роди* — плати, *и хорони* — плати (55).

Конечно, всякій замѣтитъ, что общая личная форма несравненно живѣе выражаетъ условіе, чѣмъ обыкновенныя синтаксическія формы съ союзами *пусть* и *если;* въ общей личной формѣ проглядываетъ живое разговорное начало.

Нашъ народъ особенно любитъ употреблять глагольныя сказуемыя безъ подлежащихъ. Такія выраженія, обыкновенно называющіяся безличными предложеніями, мы дѣлимъ на два вида: къ первому относимъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ подлежащія не высказываются потому, что они не извѣстны говорящему, хотя въ нихъ и чувствуется потребность; ко второму виду принадлежатъ всѣ тѣ выраженія, въ которыхъ потому и нѣтъ грамматическаго подлежащаго. что дѣйствіе, выражаемое сказуемымъ, представляется ни отъ кого и ни отъ чего не зависящимъ.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ выраженія 1-го вида:

1. Вѣтромъ море *колышетъ*, молвою народъ (756).

2. Молву повѣтріемъ *носитъ* (757).

3. Не бархатомъ меня отъ этого по сердцу *погладило* (128).

4. Село *свело*, а барина *скорчило* (35).

5. Пошелъ чортъ по тучу, анъ изъ нея-то и *стрѣльнуло* (41).

Въ этихъ синтаксическихъ формахъ народъ выражаетъ только впечатлѣніе отъ физическихъ или душевныхъ явленій, не сознавая и не называя силъ, производящихъ эти явленія. Онъ считаетъ иногда несправедливымъ приписать явленіе ближайшей видимой причинѣ; но въ то же время не умѣетъ назвать и высшей дѣйствующей силы и потому ограничивается выраженіемъ безотчетнаго ощущенія въ формѣ

такъ называемаго безличнаго предложенія. Это особенно видно изъ примѣровъ 1 и 2-го: *вѣтеръ*, *молва* и *повѣтріе*, по народному взгляду, служатъ только *орудіемъ* (твор. пад.) какой-то неизвѣстной силы, которая колышетъ море и народъ и носитъ молву.

Приводимъ примѣры 2-го вида:

6. Къ пиру *пошлось*, къ слову *молвилось* (446).
7. И *хожено*, и *вожено*, да легче нѣтъ (37).
8. Въ дѣвкахъ *сижено* — горе мыкано, за мужъ *выдано* — вдвое прибыло (382).
9. *Поено да кормлено*, а дома *не помолено* (9).
10. Къ нашему господину вездѣ (всѣмъ) *входимо* (866).

Никому, конечно, и въ голову не придетъ спросить: что́ къ пиру пошлось? что̀ въ дѣвкахъ сижено? что̀ вездѣ входимо? А это значитъ, что такія сказуемыя выражаютъ дѣйствіе или результаты дѣйствія безъ всякаго отношенія къ тому, что стояло бы внѣ этого дѣйствія или его результатовъ.

Тѣмъ не менѣе о выраженіяхъ какъ 1-го, такъ и 2-го вида нельзя сказать, чтобы въ нихъ не выражалось грамматическое подлежащее. Это подлежащее скрыто въ глагольныхъ личныхъ и прилагательныхъ родовыхъ окончаніяхъ. Въ пословицѣ: „вѣтромъ море колыше*тъ*“ формальнымъ подлежащимъ должно быть признано мѣстоименное личное окончаніе глагола *тъ;* а въ сказуемыхъ пошлось, молвилось, сижено и т. п. такимъ же подлежащимъ служитъ звукъ *о*, какъ мѣстоименное родовое окончаніе.

Въ заключеніе этихъ немногихъ замѣтокъ о глагольномъ сказуемомъ, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что мѣсто его въ языкѣ русскихъ пословицъ занимаютъ иногда звукоподражательныя междометія; напримѣръ:

1. Чайка *кики*, а казакъ *хихи* (то есть смѣется надъ вѣстницей дурной погоды) (224).
2. Онъ не изъ тѣхъ, что *гамъ-гамъ-гамъ*, а изъ тѣхъ, что *хрю-хрю*.

Въ этихъ звукоподражательныхъ междометіяхъ съ замѣчательною ясностью отразились слѣды живой бесѣды, среди которой вообще слагались пословицы и поговорки.

Кромѣ глагола, мѣсто сказуемаго въ предложеніи могутъ занимать, какъ извѣстно, слова существительныя и прилагательныя. Но такъ какъ имена прилагательныя нерѣдко замѣняются выраженіями, состоящими изъ именъ существительныхъ въ родительномъ падежѣ безъ пред-

лога и въ нѣкоторыхъ косвенныхъ падежахъ съ предлогами, то само собой разумѣется, что эти выраженія могутъ быть также грамматическими сказуемыми. Слѣдуетъ помнить, что какъ существительное-сказуемое всегда можетъ быть превращено въ приложеніе къ подлежащему, такъ прилагательное-сказуемое — въ опредѣленіе подлежащаго. Отсюда слѣдуетъ, что если и соотвѣтствующее прилагательному описательное выраженіе можетъ служить опредѣленіемъ, то, значитъ, оно можетъ занимать и мѣсто сказуемаго. Этотъ законъ вытекаетъ изъ той простой мысли, что признакъ, формально утверждаемый за извѣстнымъ предметомъ въ формѣ сказуемаго, въ дѣйствительности составляетъ съ нимъ нераздѣльное цѣлое, и потому въ языкѣ мы гораздо удачнѣе копируемъ природу тогда, когда соединяемъ съ предметомъ признакъ въ формѣ опредѣленія, чѣмъ когда приписываемъ предмету признакъ въ видѣ сказуемаго.

Приводимъ здѣсь нѣсколько примѣровъ съ такими сказуемыми, которыя могутъ перейдти въ опредѣленіе.

1. *Чей* дворъ, *того* и хоромы; *чей* берегъ, *того* и рыба; *чей* конь, *того* и возъ; *чья* земля, *того* и сѣно (678).
2. Не то *дорого*, что краснаго *золота*, а *дорого*, что добраго *мастерства* (454).
3. Ковры семи *шелковъ*, а рубаха и *не прядена* (643).
4. *Безъ духа и плоти*, а но Христѣ *святъ* (крестъ) (21).
5. Совѣсть *безъ зубовъ*, а загрызетъ (317).
6. Конь *о* четырехъ *ногахъ*, да (и тотъ) спотыкается (524).
7. *О шести ногъ* [1]), *безъ копытъ*, ходитъ, не стучитъ (таракан и муха) (1084).
8. Видно, онъ *о* двухъ *головахъ* (275).
9. Была подъ вѣнцемъ, и дѣло *съ концомъ* (307).

Чтобы нагляднѣе убѣдиться въ томъ, что выраженія, отмѣченныя нами, какъ сказуемыя, въ самомъ дѣлѣ совершенно тожественны съ прилагательными-сказуемыми, стóитъ только обратить эти выраженія въ имена прилагательныя; эти измѣненія не отражаются ни малѣйшей перемѣной въ смыслѣ цѣлаго предложенія. Яснѣе всего видно тожество прилагательныхъ именъ съ замѣняющими ихъ выраженіями на примѣрахъ 1 — 3-мъ: здѣсь родительные падежи сказуемыхъ, очевидно,

---

[1]) *Ногъ* — род. пад. при числит. *шесть*, которое, въ силу этимологической формы, идетъ здѣсь за существительное.

равняются прилагательнымъ, которыя должны быть произведены отъ нихъ. Такая замѣна примѣнима и къ остальнымъ примѣрамъ: *безъ духа и плоти* тоже, что бездушный и безплотный; *безъ зубовъ* — беззубый; *о двухъ головахъ* — двухголовый; *съ концомъ* — конченный. Мы не скрываемъ, что нерѣдко и отъ выраженій обстоятельственныхъ производятся имена прилагательныя, напримѣръ отъ выраженій: *на горѣ, на столѣ, подъ землей, при морѣ* образуются прилагательныя: *нагорный, настольный, подземный, приморскій*. Но дѣло въ томъ, что эти производныя прилагательныя, по внутреннему значенію, рѣзко отличаются отъ своихъ первообразовъ—обстоятельственныхъ выраженій: прилагательныя выражаютъ признакъ *постоянный*, такъ что, напримѣръ, *нагорный* значитъ: *постоянно находящійся на горѣ;* между тѣмъ обстоятельственныя выраженія, отъ которыхъ производятся эти прилагательныя, въ принципѣ должны быть признаны только *случайными* признаками проявленія какого-либо дѣйствія: *я на горѣ*, конечно, не тоже, что *я — нагорный; книга на столѣ* не тоже, что *книга настольная; на столѣ* и *на горѣ*, очевидно, служатъ обстоятельствами при опущенныхъ сказуемыхъ, напримѣръ: *я нахожусь, стою..., книга лежитъ.* Между тѣмъ тѣ выраженія, которыя мы признали равными прилагательнымъ, выражаютъ признаки постоянные и существенные. Это доказывается тѣмъ, что наши выраженія способны явиться въ формѣ опредѣленій, которымъ свойственно обозначать именно такіе признаки. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство нашего положенія: „Стоитъ Потапъ *о четырехъ лапъ,* изъ году въ годъ воду пьетъ“ (171); „Куда конь *съ копытомъ*, туда и ракъ *съ клешней*“ (170); „Тутъ и *о двухъ головахъ* пропадешь“ (278); „*Безъ головы* не ратникъ, а побѣжалъ, такъ и воротиться можно“ (281). Въ приведенныхъ примѣрахъ слова: *о четырехъ лапъ* (Потапъ), *съ копытомъ* (конь), *съ клешней* (ракъ), *о двухъ головахъ* (ты, то-есть всякій) и *безъ головы* (человѣкъ, разумѣется) составляютъ опредѣленія, которыми, очевидно, выражаются существенные и постоянные признаки. Намъ можетъ быть сдѣлано возраженіе со стороны защитниковъ той теоріи, по которой сказуемыми могутъ быть и обстоятельственныя слова съ явнымъ или подразумѣваемымъ вспомогательнымъ глаголомъ; они могутъ сказать намъ: вы не допускаете, чтобы обстоятельственное слово было сказуемымъ, а между тѣмъ ваши выраженія: *безъ духа и плоти, о двухъ головахъ, съ концомъ* и т. п. развѣ не могутъ разбираться иногда, какъ обстоятельства образа дѣйствія? — Могутъ, но только при

явномъ сказуемомъ. Эта возможность таже самая, по которой прилагательное-сказуемое переходитъ въ нарѣчіе, то-есть въ обстоятельство, съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ является потребность точнѣе опредѣлить подлежащее глагольнымъ сказуемымъ, при чемъ признакъ, выражавшійся прилагательнымъ-сказуемымъ, долженъ получить уже новое выраженіе; напримѣръ: „это *глупо*“ (сказ.) и „это *глупо* (обст.) сказано“; „онъ *безъ пояса*“ (сказуемое) и „онъ ходитъ „*безъ пояса*“ (какъ? обстоятельство образа дѣйствія). Такимъ образомъ, наши описательныя выраженія только при глаголахъ, явно выраженныхъ, принимаютъ значеніе обстоятельствъ, а безъ нихъ занимаютъ мѣсто сказуемыхъ и потомъ уже, какъ прилагательныя-сказуемыя, переходятъ въ опредѣленія. Между тѣмъ обстоятельственныя выраженія неизмѣнно остаются съ этимъ значеніемъ во всякомъ случаѣ: выражается-ли глагольное сказуемое явно, или только подразумѣвается.

Только безъ твердой и опредѣленной грамматической теоріи можно увлекаться тѣмъ соблазнительнымъ положеніемъ, какое занимаютъ обстоятельственныя слова въ нѣкоторыхъ оборотахъ народной рѣчи и особенно во множествѣ русскихъ пословицъ. Это можно видѣть изъ примѣровъ.

1. Никто отъ міру *непрочь* (431).
2. Кто старое вспомянетъ, тому глазъ *вонъ* (307).
3. Я его съ плечъ *долой*, а онъ на руки (686).
4. Ино *скокомъ*, ино *бокомъ*, а ино и *ползкомъ* (921).
5. Намъ, татарамъ, все *даромъ* (751).
6. Это мнѣ все *ни по чемъ* (140).
7. Покорному дитяти все *кстати* (248).
8. *Не къ лицу* пироги разбирать, коли и хлѣба нѣтъ (500).
9. *Не къ лицу* бабкѣ дѣвичьи пляски (752).
10. *Не подъ стать* синему кафтану голубой подбой (700).
11. Чьи грѣхи закрыты, а наши всѣ *наружу* (186).
12. У доброй свахи женихи съ невѣстами всѣ *на перечетъ* (386).
13. Все *наготовѣ*: сани въ Казани, хомутъ на базарѣ (620).
14. Мышкѣ съ кошкой *въ накладъ* играть (923).
15. Соколу лѣсъ *не въ диво* (624).
16. Чужое добро *не въ прокъ* (674).
17. Золото *не въ золото*, не побывъ подъ молотомъ (454).
18. Сынъ да дочь, да и тѣхъ кормить *не въ мочь* (407).
19. Не все работа у мельника, а стуку *въ волю* (547).
20. Двоимъ *за нужду* влѣзть, и то ни стать, ни сѣсть (604).

21. Самъ *копной*, брюхо *горой* (321).

22. Дружба *дружбой*, а служба *службой* (254).

Г. Стоюнинъ, приведя нѣсколько подобныхъ примѣровъ, говоритъ: „Всѣ имена съ предлогомъ могутъ соединиться съ глаголомъ *быть* (стать) во всѣхъ его формахъ, и вмѣстѣ съ нимъ выражать состояніе предмета и быть какъ *сказуемымъ* и *подлежащимъ* (въ формѣ *быть*), такъ и пояснительнымъ словомъ“ („Русскій Синтаксисъ“. С.-Пб. 1871, стр. 23). Но если мы вспомнимъ, что въ русскомъ языкѣ вспомогательный глаголъ чаще пропускается, чѣмъ высказывается, то и окажется, что „имена съ предлогами“ (чаще всего встрѣчающіяся въ значеніи обстоятельствъ) довольно часто должны быть сами по себѣ признаваемы за сказуемыя. Впрочемъ, г. Стоюнинъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ проф. Буслаеву, который въ своей „Исторической Грамматикѣ“ говоритъ слѣдующее: „Составное сказуемое содержитъ въ себѣ, при глаголѣ существительномъ, второстепенные члены предложенія, а именно: 1) опредѣленіе, выраженное, и пр.; 2) обстоятельства, напримѣръ: „онъ въ городѣ“, „—на ногахъ“, „— въ хлопотахъ“ (съ опущеніемъ глагола *есть* или *находится*, *пребываетъ* и т. п.) [1]. Итакъ, обстоятельственныя слова въ связи съ существительнымъ глаголомъ (очень часто, замѣтимъ, опускаемымъ) могутъ составлять сказуемое, такъ что въ предложеніи: „онъ въ городѣ“ сказуемое состоитъ изъ обстоятельственнаго „въ городѣ“ и подразумѣваемаго вспомогательнаго, или существительнаго глагола — *естъ* или *находится*, *пребываетъ*. Такъ; но если мы вмѣсто глаголовъ *есть*, *находится*, *пребываетъ* подставимъ глаголъ *живетъ*, — останется ли тогда обстоятельственное „въ городѣ“ составною частію сказуемаго? Нѣтъ, отвѣтятъ намъ: выраженіе *живетъ въ городѣ* должно быть признано логическимъ, а не грамматическимъ сказуемымъ; грамматическое же сказуемое здѣсь *живетъ* и при немъ обстоятельственное — *въ городѣ*. Однако нужно же согласиться, что глаголъ *живетъ* въ грамматическомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ глаголовъ *есть*, *находится*, *пребываетъ*: разница между ними только въ смыслѣ. Притомъ, если строго-этимологически разобрать глаголы *есть*, *находится*, *пребываетъ*, то и между ними, думаемъ, окажется громадная разница по внутреннему смыслу. Далѣе, если въ выраженіи „онъ въ городѣ“ слово *въ городѣ* признается все-таки обстоятельственнымъ,

[1]) Ист. Граммат. русскаго яз. Синтаксисъ (М. 1869), § 128.

то, спрашивается, при какомъ же глаголѣ оно служитъ обстоятельствомъ? Конечно, при любомъ подразумѣваемомъ глаголѣ. Но какимъ образомъ одно и то же слово можетъ быть и обстоятельственнымъ, и составною частію сказуемаго? Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы выраженіе *въ городѣ* было и составною частію сказуемаго *есть* (находится, пребываетъ) *въ городѣ*, и обстоятельствомъ при тѣхъ же глаголахъ: *есть, находится, пребываетъ;* въ противномъ случаѣ мы должны будемъ допустить большую сбивчивость при разборѣ. Наконецъ, кому не покажется страннымъ, что въ предложеніи: „онъ въ городѣ“ одна половина сказуемаго состоитъ на лицо, а другая половина подразумѣвается? Должно быть, эти составныя части одного члена предложенія не слишкомъ тѣсно связаны между собою, если такъ легко могутъ распадаться, и одна часть можетъ обходиться безъ другой...

Сказанное нами о значеніи обстоятельственныхъ словъ при подразумѣваемыхъ глаголахъ примѣняется и къ тѣмъ случаямъ, когда обстоятельственныя слова стоятъ при явно-выраженныхъ формахъ существительнаго глагола *быть*. Въ предложеніи: *онъ былъ въ городѣ* нельзя принимать за грамматическое сказуемое слова *былъ въ городѣ:* если мы считаемъ *въ городѣ* обстоятельственнымъ, то оно и будетъ имѣть только это синтаксическое значеніе при простомъ (а не составномъ) сказуемомъ *былъ* и, конечно, не можетъ считаться составною частію грамматическаго сказуемаго. Если, такимъ образомъ, и съ существительнымъ глаголомъ обстоятельственныя слова не могутъ составлять грамматическаго сказуемаго, но всегда остаются отдѣльными членами предложенія, то тѣмъ менѣе они могутъ считаться составными частями сказуемыхъ, выражаемыхъ другими глаголами. Итакъ, обстоятельственное слово всегда и во всякомъ случаѣ остается только обстоятельственнымъ при глаголѣ — все равно, подразумѣвается ли этотъ послѣдній, или высказывается явно. Если же обстоятельственныя слова включаютъ въ составъ сказуемыхъ, то это зависитъ отъ смѣшенія грамматическаго начала съ логическимъ. Мы согласны, что нерѣдко вся важность заключается въ какомъ-нибудь обстоятельственномъ словѣ; но изъ этого не слѣдуетъ, что и въ синтаксическомъ отношеніи оно должно считаться первостепеннымъ членомъ предложенія. Въ приведенныхъ нами примѣрахъ наличныя обстоятельственныя слова въ логическомъ отношеніи гораздо важнѣе, чѣмъ подразумѣваемые при нихъ глаголы; въ этомъ-то и заключается

объясненіе того явленія, что сказуемыя иногда опускаются, а обстоятельственныя слова остаются какъ бы представителями опущенныхъ сказуемыхъ. Опускаемыя сказуемыя обыкновенно заключаютъ въ себѣ смыслъ самый общій, который точно опредѣляется обстоятельственными словами, какъ чертами частными, живыми и наглядными; вотъ почему — замѣтимъ мимоходомъ — народный языкъ, постоянно стремящійся къ наглядному и живописному выраженію мыслей, съ большею любовію употребляетъ эллиптическія выраженія, между тѣмъ какъ литературный языкъ предпочитаетъ полныя грамматическія предложенія.

Возстановить опущенное сказуемое на основаніи обстоятельственнаго слова — дѣло очень легкое; нужно только помнить слѣдующее правило: опускается не одинъ существительный глаголъ *быть*, и слѣдовательно, не одинъ только этотъ глаголъ можетъ быть подставляемъ на мѣсто опущеннаго сказуемаго, а и *всякій* другой глаголъ, лишь бы только, по внутреннему смыслу, онъ наиболѣе гармонировалъ съ значеніемъ обстоятельственнаго слова. Такъ, напримѣръ: въ 1-мъ примѣрѣ при обстоятельственномъ *прочь* подразумѣвается глаголъ, означающій *движеніе (не бѣжитъ, не уходитъ);* въ 5-мъ примѣрѣ можно подразумѣвать глаголъ *обходится;* въ 8-мъ — *не идутъ;* въ 11-мъ — *выходятъ*, или *вышли;* въ 16-мъ примѣрѣ — *не идетъ;* въ 21-мъ — *смотритъ*, *выглядитъ* и т. д. Этимъ мы и оканчиваемъ свои замѣчанія о сказуемомъ въ языкѣ русскихъ пословицъ.

По вопросу о согласованіи сказуемаго съ подлежащимъ, русскія пословицы представляютъ мало замѣчательнаго матеріала. Можно указать развѣ только на нѣсколько случаевъ логическаго, отвлеченнаго начала въ согласованіи. Вотъ нѣсколько такихъ случаевъ:

1. И не намъ *чета* безъ доли *живутъ* (49).
2. И не нашимъ сѣнямъ *чета подламывались* (777).

Въ этихъ примѣрахъ сказуемыя приняли форму множественнаго числа, вѣроятно, вслѣдствіе логическаго значенія *множественности*, скрытаго въ подлежащемъ *чета* [1]).

3. *Братъ* съ братомъ на медвѣдя *ходятъ* (419).
4. *Прибыль* съ убылью въ одномъ дворѣ *живутъ* (576).
5. *Злой* съ лукавымъ *водились*, да оба въ яму ввалились (107).

---

[1]) Едва-ли правильнѣе будетъ такой разборъ: въ первомъ примѣрѣ слово *чета* принять за приложеніе къ подразумѣваемому подлежащему *люди*, а во второмъ — къ подразумѣваемому подл. *сѣни* (И не намъ чета *люди* безъ доли живутъ. И не нашимъ сѣнямъ чета *сѣни* подламывались).

Грамматическія подлежащія здѣсь — *братъ, прибыль, злой* (безъ выраженій: *съ братомъ, съ убылью, съ лукавымъ*); но сказуемыя стоятъ во множественномъ числѣ, потому что эти подлежащія вмѣстѣ съ соединенными посредствомъ предлога *съ* именами (съ братомъ, съ убылью, съ лукавымъ) понимаются какъ сложныя подлежащія, то-есть братъ и братъ, прибыль и убыль, злой и лукавый. [1]) А въ такомъ пониманіи выражается уже не грамматическое начало, а логическое.

6. *Горе да бѣда* съ кѣмъ *не была?* (135).
7. *Соболь да куница бѣжитъ да дрожитъ*, а сѣрая овечка лежитъ да пышетъ (34).
8. *Среда да пятница* хозяину въ домѣ *не указчица* (9).

Если при сложномъ подлежащемъ сказуемое ставится въ единственномъ числѣ (а это несравненно чаще встрѣчается въ языкѣ народномъ, чѣмъ въ книжномъ), то явленіе это объясняется или тѣмъ, что сложное подлежащее, съ логической точки зрѣнія, принимается за простое, или просто грамматическимъ отношеніемъ сказуемаго къ одному только изъ подлежащихъ, при чемъ оно должно быть уже подразумѣваемо при другихъ подлежащихъ.

9. *Медъ сладко, а муха падко* (899).
10. *Грѣхъ сладко,* человѣку падко (11).

Въ этихъ выраженіяхъ признаки предметовъ поняты не въ тѣсной связи съ ними, а отвлеченно, въ видѣ чистаго, формально ни съ чѣмъ не связаннаго качества. Такимъ образомъ, 9-й примѣръ имѣетъ слѣдующій смыслъ: „медъ есть *нѣчто сладкое* (сладость), а муха *нѣчто падкое*"; точно также объясняется и 10-й примѣръ: „грѣхъ — *сладость* (сладкое нѣчто), а у человѣка (есть) *падкость*".

Къ слову о согласованіи сказуемаго съ подлежащимъ, обращаемъ вниманіе на замѣчательные примѣры не столько согласованія сказуемаго съ подлежащимъ, сколько исключительно русскаго, оригинальнаго *соединенія* сказуемаго съ подлежащимъ, именно соединенія личной или прилагательной формы существительнаго глагола, какъ сказуемаго, съ существительною формой какого-нибудь другаго глагола, какъ подлежащаго.

1. За милую куму *лѣзть* (подл.) *будетъ* (сказ.) въ тюрьму (122).

---

[1]) См. прекрасное объясненіе такихъ и подобныхъ имъ выраженій въ Рус. Синтакс. Стоюнина, стр. 15—17, § VII.

2. Когда нечѣмъ заплатить долгу, *ѣхать* (подл.) *будетъ* (сказ.) на Волгу (584).

3. Сколько ни таинничать, а *будетъ* (сказ.) *сказаться* (подл.) (440).

4. *Быть* (подл.) *было* (сказ.) такъ, да помѣшалъ дьякъ (695).

5. *Быть* (подл.) *было* (сказ.) ненастью, да дождь помѣшалъ (35).

6. *Идти* (подл.) *было* (сказ.) на Вятку, да лаптей нѣтъ (75).

Чтобы покончить съ подлежащимъ и сказуемымъ, скажемъ нѣсколько словъ объ опущеніи ихъ, какъ явленіи обыкновенномъ въ языкѣ пословицъ. Подлежащее и сказуемое опускаются, конечно, потому, что явное выраженіе ихъ представляется излишнимъ при данномъ сочетаніи наличныхъ членовъ предложенія: смыслъ первыхъ очевиденъ изъ той обстановки, какая образуется послѣдними. Вотъ нѣсколько примѣровъ опущенія сказуемаго изъ безчисленнаго множества этого рода явленій въ языкѣ пословицъ:

1. Изъ огня да въ полымя. — Изъ огня да въ воду (147).
2. Изъ крошекъ кучка, изъ капель море (95).
3. Безъ Бога ни до порога (6).
4. За дѣло не мы, за работу не мы; а поѣсть, поплясать — противъ насъ не сыскать (260).
5. По зимѣ въ китаешномъ, по лѣту въ дубленомъ (506).
6. Къ вечернѣ въ колоколъ — всю работу объ уголъ (7).
7. Деньги водомъ, добрые люди родомъ, а урожай хлѣба годомъ (1008).

Опущенныя сказуемыя легко возстановляются на основаніи общаго смысла каждаго выраженія. Такъ, въ 1-мъ примѣрѣ предлогъ *изъ* съ род. п. и *въ* съ винит. показываютъ, что здѣсь подразумѣвается глаголъ, означающій движеніе (*изъ* — откуда, *въ* — куда). Глаголы съ этимъ же значеніемъ подразумѣваются въ 3 и 5-мъ примѣрахъ. Во 2-мъ примѣрѣ то отношеніе, въ какомъ поставлены между собою слова, означающія цѣлое (кучка, море), и слова, означающія части этого цѣлаго (изъ крошекъ, изъ капель), очевидно показываетъ, что здѣсь опущенъ глаголъ значенія — *собираться, скопляться, составляться.* Въ 4-мъ примѣрѣ опущенъ глаголъ — *беремся;* въ 6-мъ — *ударили* (къ вечернѣ въ колоколъ) и *хватилъ, хватай, хватимъ* (работу объ уголъ); въ 7-мъ примѣрѣ опущены глаголы тѣхъ корней, отъ которыхъ происходятъ существительныя, имѣющія здѣсь значеніе обстоятельствъ, или, по крайней мѣрѣ, глаголы однородные съ ними по смыслу; такимъ образомъ составляются слѣдующія

полныя выраженія: деньги *ведутся* водомъ, добрые люди *родятся* родомъ, а урожай хлѣба *случается* годомъ.

Въ языкѣ пословицъ встрѣчаются любопытные случаи опущенія подлежащихъ.

1. Вмѣстѣ — тѣсно, розно — тошно (604).

2. Безъ соли не вкусно, а безъ хлѣба не сытно (901).

3. Тихо не лихо, а смирнѣе прибыльнѣе (805).

Истинныя грамматическія подлежащія легко могутъ быть возстановлены въ этихъ выраженіяхъ на основаніи тѣхъ обстоятельственныхъ словъ, которыя остаются какъ-бы ихъ представителями. Такъ, несомнѣнно, что въ 1-мъ примѣрѣ *вмѣстѣ* и *розно* служатъ обстоятельственными при опущенномъ подлежащемъ — *жить*, во 2-мъ примѣрѣ *безъ соли* и *безъ хлѣба* — обстоятельственныя при опущенномъ подлежащемъ — *ѣсть* и, наконецъ, въ 3-мъ примѣрѣ *тихо* и *смирнѣе* должны быть признаны обстоятельственными подлежащаго *жить* (или *вести себя*). Но самыя эти слова — *вмѣстѣ, розно, безъ соли, тихо, смирнѣе* никоимъ образомъ не могутъ быть признаны подлежащими.

Переходя къ употребленію падежей въ языкѣ русскихъ пословицъ, считаемъ нужнымъ сдѣлать напередъ одно замѣчаніе: сообразно съ своей задачей мы обращаемъ вниманіе только на тѣ случаи разнообразнаго употребленія падежей, въ которыхъ по преимуществу выразился духъ народнаго языка.

Какъ особый видъ *родительнаго* обозначенія, замѣчательны въ народномъ языкѣ эпитеты, выражаемые родительнымъ существительнаго съ опредѣлительнымъ словомъ.

1. Ковры *семи шелковъ*, а рубаха и не прядена (643).

2. Полы да черти *одной шерсти* (640).

3. Не дорого, что *краснаго золота*, а дорого, что *добраго мастерства* (454).

Изъ всѣхъ видовъ родительнаго падежа самое обширное употребленіе принадлежитъ родительному количества. Родительный количества въ свою очередь имѣетъ нѣсколько частныхъ видовъ, главнѣйшіе изъ которыхъ можно видѣть въ слѣдующихъ примѣрахъ:

1. *Всей одежи* шапка да онучи (67).

2. *Скотины* тараканъ да жуколица; *посуды* крестъ да пуговица; *одежи* мѣшокъ да рядно (63).

3. Есть *вашей братьи*, въ короткомъ платьѣ (791).

4. Знай себя, и *того* будетъ съ тебя (680).
5. *Нашего полка* прибыло (711).
6. *Наготы, босоты* изувѣшены шесты; холоду, голоду анбары полны (64).
7. *Всякаго нѣта* спасено съ лѣта (534).
8. Бабушка Москвина! Не поле *насъ* насѣяно (601).
9. На помойную яму не напасешься *хламу* (92).
10. На поклепъ *денегъ* не наготовишься (179).
11. Одинъ день у меня *вѣку* заѣлъ (129).
12. *Прошлаго* поминаемъ, грядущаго чаемъ (27).
13. Что было *муки,* что *докуки,* а ни аза, ни буки (104).

Родительный количества, представляемый примѣрами 1 и 2-мъ, въ литературномъ языкѣ обыкновенно употребляется съ предлогомъ *изъ* (изъ одежи, изъ посуды и т. п.). Въ примѣрахъ 3 — 10-мъ родительный количества объясняется скрытымъ при немъ понятіемъ множества, а въ 11 и 12-мъ — понятіемъ части. Въ 13-мъ примѣрѣ *что* значитъ *сколько,* и потому при немъ стоитъ родит. количества.

14. Не смотри начала, смотри *конца* (537).

Родительный *конца* обозначаетъ неопредѣленность предмета, на которомъ должно проявляться дѣйствіе. Если бы разумѣлся извѣстный, опредѣленный *конецъ,* въ такомъ случаѣ имя его было бы поставлено въ винительномъ падежѣ; винит. падежъ показывалъ бы, что дѣйствіе *(смотри)* должно проявиться на всемъ предметѣ, во всей его средѣ, но въ такомъ случаѣ предметъ долженъ быть извѣстенъ во всемъ его объемѣ. Родительный пад., напротивъ, показываетъ, что дѣйствіе не можетъ вполнѣ проявиться на предметѣ, потому что онъ не отличается достаточною опредѣленностію для говорящаго, или, лучше сказать, онъ неизвѣстенъ говорящему въ полномъ объемѣ. Отсюда слѣдуетъ, что разсматриваемый нами родительный падежъ почти тожественъ съ родительнымъ части.

Въ литературномъ русскомъ языкѣ для обозначенія опредѣленнаго времени употребляется род. падежъ существительнаго непремѣнно *съ опредѣлительнымъ словомъ.* Напримѣръ: 1871-го года 1-го іюня. Въ народномъ же языкѣ время можетъ быть опредѣлено именемъ празднуемаго святаго, поставленнымъ въ род. падежѣ, *безъ всякаго опредѣленія.*

15. Было *Тита,* такъ было и пито; а нынѣ *Карпа* — нѣтъ ни капли (48).

Какъ въ старинномъ русскомъ языкѣ нѣкоторые глаголы, сложенные съ предлогомъ *отъ*, соединялись съ род. пад. безъ предлога, такъ и въ языкѣ пословицъ встрѣчаются глаголы, сложенные съ предлогами *отъ* и *изъ*, съ простымъ родит. падежемъ.

16. Кто *зла* отлучится, тотъ никого не боится (108).

17. Тому *худа* не отбыть, кто привыкъ неправдой жить (149).

18. Купилъ сапоги, да не избылъ *босоты* (701).

19. Была бы честь приложена, а *убытку* Богъ избавилъ (701).

Въ заключеніе о родит. падежѣ, укажемъ на употребленіе простаго родит. падежа вмѣсто родительнаго съ предлогомъ *отъ* при нар. *дальше*.

20. Дальше *кумы́* (или: ку́ма, то-есть отъ него) — меньше грѣха (168).

21. Дальше *го́ря* (то-есть отъ горя) — меньше слезъ (144).

22. Дальше *мо́ря* (то-есть отъ моря) — меньше горя (284).

Винительный въ языкѣ пословицъ употребляется при выраженіяхъ — *видно* и *слышно*, словно при глаголахъ, происходящихъ отъ одного корня съ этими прилагательными.

1. *Самого* чуть видно, а *голосъ* (а *пѣсню*) слышно (комаръ) (1083).

Къ этому винительному весьма близокъ винит. падежъ при страд. причастіи средн. рода.

2. За мое жь жито, да *меня* же бито (122).

Оба эти примѣра указываютъ на тѣсную связь въ русскомъ языкѣ глагола съ прилагательнымъ.

Вотъ еще замѣчательный случай употребленія винительнаго мѣста:

3. Рыбу ловить — *край* смерти ходить (570). [1])

Этими тремя примѣрами мы и должны ограничиться [2]).

Въ употребленіи *дательнаго* падежа языкъ русскихъ пословицъ

---

[1]) Сравни нарѣчіе *близъ*, которое есть ничто иное, какъ винит. пад. существительнаго.

[2]) Позволимъ себѣ кстати привести нѣсколько примѣровъ, замѣчательныхъ, впрочемъ, не столько въ синтаксическомъ, сколько въ риторическомъ отношеніи. Вотъ они: 1) Лапоть знай *лаптя*, а сапогъ *сапога* (700). 2) Наряди *пня*, и пень хорошъ будетъ (640). 3) Денежка *рубля* бережетъ (636). Эти примѣры мы привели съ тою цѣлію, чтобы показать, что *лаптя*, *сапога*, *пня* и *рубля* — не родительные, а винительные падежи. Именамъ неодушевленныхъ предметовъ здѣсь придано окончаніе винит. падежа, свойственное именамъ предметовъ одушевленныхъ, или потому, что имена вещей употреблены въ значеніи лицъ, пользующихся ими (см. прим. 1-й, гдѣ лапоть=лапотникъ, крестьянинъ; сапогъ=человѣкъ, носящій сапоги,—состоятельный), или вслѣдствіе простаго олицетворенія; такъ, во 2-мъ примѣрѣ подъ пнемъ разумѣется человѣкъ толстый и неуклюжій, въ 3-мъ прим. рубль олицетворенъ только потому, что денежкѣ приписано дѣйствіе, свойственное живымъ существамъ.

представляетъ два особенно характеристическихъ случая. 1) Вмѣсто родительнаго опредѣленія часто употребляется дательный отношенія къ лицу.

1. И не *намъ* чета безъ доли живутъ (49).
2. Голова *всему* начало (461).
3. Хлѣбъ *всему* голова (890).
4. Твердо *крѣпку* брать (775).
5. Горшокъ *котлу* не товарищъ (699).
6. Сила *уму* могила (927).
7. Тутъ свѣтъ клиномъ сошелся. Стой! *бѣлу свѣту* край (284).

Объ этомъ дат. надежѣ г. Буслаевъ говоритъ слѣдующее: „Для большей *живости* рѣчи, родительный принадлежности и обозначенія замѣняется въ дательный отношенія къ лицу, при чемъ предметы неодушевленные и отвлеченные представляются какъ бы *одушевленными*“... (Историч. Граммат. § 244, стр. 258).

2) При существительной формѣ глагола,—все равно, составляетъ ли она сама по себѣ предложеніе, или занимаетъ мѣсто подлежащаго,—имя того предмета, къ которому направляется дѣйствіе, ставится всегда въ дат. падежѣ.

8. *Глуби* моря не высушить, *горю* сердца не вымучить (137).
9. *Чему* быть, *тому* и статься (26).
10. *Ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату* суда Божьяго не миновать (5).
11. Лиха бѣда *бѣдѣ* придти, а побѣдки съ ногъ собьютъ (146).

Творительный падежъ въ употребленіи принимаетъ чрезвычайно много оттѣнковъ или видовъ, которые и отмѣчаются въ любой грамматикѣ. Мы укажемъ здѣсь только на тѣ случаи употребленія творит. п., въ которыхъ высказываются особенности народнаго языка, и прежде всего замѣтимъ, что творит. орудія въ народномъ языкѣ пословицъ нерѣдко употребляется тамъ, гдѣ въ литературномъ языкѣ обыкновенно ставится именительный падежъ.

1. *Вѣтромъ* (вм. нашего *вѣтеръ*) море колышетъ, *молвою* народъ (756).
2. Молву *повѣтріемъ* носитъ (757).
3. *Семьею* и горохъ молотятъ (862).
4. Не *бархатомъ* меня отъ этого по сердцу погладило (128).

Далѣе, творительный орудія въ народномъ языкѣ употребляется нерѣдко тамъ, гдѣ въ обыкновенномъ книжномъ языкѣ ставится винительный.

5. Силенъ бѣсъ, и *горами* качаетъ, а *людьми*, что *вѣниками*, трясетъ (12).
6. Шутки шути, а *людьми* не мути (968).
7. И *водой* не замутитъ (216).
8. Посѣешь *крупнымъ зерномъ*, будешь съ хлѣбомъ и виномъ (1010).
9. Вижу рожь въ сусѣкѣ и *мукою* даю (733).
10. Въ міръ идти, такъ и *тѣстомъ* брать (63).

Сюда относится также употребляющійся только въ народномъ языкѣ творительный дѣйствующей причины при глаголахъ непереходящихъ.

11. День меркнетъ *ночью*, а человѣкъ *печалью* (125).
12. *Огнемъ* вода ключемъ кипитъ, а водою и огонь заливаютъ (927).
13. Лошадь и не мала, да *обычаемъ* пропала: ты съ хомутомъ, а она и шею протянула (810).

Творительные —*ночью*, *печалью*, *огнемъ*, *обычаемъ* соотвѣтствуютъ описательнымъ выраженіямъ, состоящимъ изъ предлога *отъ* съ род. падежемъ: *отъ ночи*, *отъ печали*, *отъ огня*, *отъ обычая*. Это свойство народнаго языка выражать отношеніе понятій простымъ падежемъ тамъ, гдѣ мы теперь прибѣгаемъ къ помощи предлоговъ, свидѣтельствуетъ о тѣсной связи его съ языкомъ стариннымъ.

Въ числѣ различныхъ видовъ творительнаго образа дѣйствія особеннаго вниманія заслуживаютъ *творительный сравненія* и *творительный усиленія*. Первый изъ нихъ замѣчателенъ по частому употребленію въ народной поэзіи.

Вотъ нѣсколько примѣровъ творительнаго сравненія:

14. Не гляди на меня *комомъ*, гляди *розсыпью* (115).
15. Кто въ чинъ вошелъ *лисой*, тотъ въ чинѣ будетъ *волкомъ* (725).
16. Поѣхалъ за море *теленкомъ*, воротился *бычкомъ* (472).
17. Огнемъ вода *ключемъ* кипитъ, а водою и огонь заливаютъ (927).

Творительный сравненія совершенно равняется описательному выраженію, состоящему изъ союза *какъ* и имен. падежа, такъ что 15 прим. можетъ быть измѣненъ такъ: „не гляди на меня, *какъ комъ;* гляди, *какъ розсыпь*“.

Приводимъ нѣсколько примѣровъ творительнаго усиленія.

18. Рубаха — трутъ *трутомъ*, на плечахъ перегорѣла (641).
19. Домъ чаша *чашей* (646).
20. Нынѣ конь *конемъ*, а завтра колъ *коломъ* (302).

21. Она прибираетъ, она подаваетъ, однимъ одна за всѣхъ отвѣчаетъ (651).
22. Ты у меня одинъ однимъ, какъ синь порохъ въ глазу (820).
23. *Гольемъ* голо, хоть шаромъ покати (599).

Сюда же слѣдуетъ отнести и нарѣчія, имѣющія форму творительнаго падежа и происходящія отъ одного корня съ тѣми глаголами, которые ими усиливаются.

24. Онъ насѣлъ на него, да *гнетма* гнететъ (219).
25. *Течма* течетъ. *Ливмя* льетъ. *Летомъ* летитъ (559).
26. *Слыхдмъ* не слыхать, *виддмъ* не видать (945).

Сложное предложеніе въ языкѣ русскихъ пословицъ представляетъ слѣдующія характеристическія явленія: 1) своеобразное употребленіе союзовъ и мѣстоименій, служащихъ для сочетанія предложеній; 2) употребленіе союзовъ тамъ, гдѣ по правиламъ книжнаго словосочиненія они признаются излишними; 3) опущеніе словъ, обыкновенно употребляющихся для соединенія предложеній; 4) перерывы въ составѣ или одного главнаго предложенія передъ придаточнымъ, или главнаго и придаточнаго предложеній вмѣстѣ; 5) опущеніе цѣлыхъ предложеній; 6) сліяніе предложеній, и 7) сокращеніе предложеній.

1) Въ народномъ языкѣ русскихъ пословицъ своеобразно употребляются, въ особенности, относительныя мѣстоименія и происходящіе отъ нихъ союзы.

Союзъ *что* нерѣдко употребляется въ значеніи винословныхъ союзовъ: *ибо*, *потому что*, *оттого что;* напримѣръ:

1. Запеклися уста, *что* мошна пуста (64).
2. Сердитъ, *что* не тѣмъ бокомъ корова почесалась (117).
3. И пастухъ овцу бьетъ, *что* не туда идетъ (209).
4. Аль я хуже людей, *что* вездѣ стоя пью (34).
5. Аль мое пиво не удалось, *что* подъ тынъ пролилось (184).
6. Аль мой дворъ съѣзжимъ творится, *что* въ него всякъ валится (184).

Особенно часто союзъ *что* употребляется съ винословнымъ значеніемъ въ такихъ вопросительныхъ предложеніяхъ, гдѣ вслѣдъ за вопросомъ высказывается и причина, вызвавшая его (см. прим. 4—6).

Не менѣе часто въ народномъ языкѣ пословицъ союзъ *что* встрѣчается съ значеніемъ *такъ что;* напримѣръ:

1. Пришло въ тупикъ, *что* некуда ступить (130).

2. Починилъ дѣдъ клѣтку, *что* и собаки лазятъ (701).

3. Ѣстъ, *что* бѣльма на лобъ лѣзутъ (897).

Далѣе, союзъ *что* въ сравнительныхъ предложеніяхъ употребляется вмѣсто *какъ*, безъ всякаго соотвѣтствующаго союза.

1. На смерть, *что* на солнце, во всѣ глаза не взглянешь (289).
2. Мило, *что* душа, а горько, *что* бѣда (135).
3. Добра, *что* клада ищутъ, а худо подъ рукой (107).
4. Горе, *что* стрѣла, разитъ (125).
5. Тащи съ казны, *что* съ пожару (244).

Вмѣсто *чѣмъ — тѣмъ* при сравнительныхъ степеняхъ обыкновенно говорится *что — то*.

1. Его *что* больше слушаешь, *то* пуще вретъ (201).
2. *Что* бѣднѣе, *то* щедрѣе (87).
3. Кошку *что* больше гладишь, *то* больше хвостъ деретъ (808).

Союзы *что — то* употребляются въ смыслѣ *какъ скоро — такъ, какъ — такъ, всякій разъ какъ* и иногда — *сколько — столько*.

1. *Что* слово молвитъ, *то* рублемъ подаритъ (445).
2. *Что* ударишь, *то* и уѣдешь (252).
3. *Что* потѣшитъ (счастье), *то* и поживемъ (137).
4. У кузнеца *что* стукнулъ, *то* гривна (568).
5. Доброму человѣку *что* день, *то* и праздникъ (109).
6. *Что* городъ, *то* норовъ; *что* деревня, *то* обычай (689).

Повторяемый союзъ *что* выражаетъ таже, что въ литературномъ языкѣ *ли — ли, ли — или*, иногда же онъ замѣняетъ союзы — *какъ — такъ и*.

1. *Что* выпито, *что* вылито — все равно (889).
2. *Что* совой о пень, *что* пнемъ о сову, а все совѣ больно (а все одно) (949).
3. *Что* черно, *что* бѣло, вызолоти — все одно (164).
4. Все одинъ Богъ, *что* у насъ, *что* у нихъ (19).
5. *Что* осьмнадцать, *что* безъ двухъ двадцать (не досказано „все одно“) (950).

Повторяемое мѣстоименіе *кто* въ народномъ языкѣ такъ же, какъ иногда и въ книжномъ, употребляется въ значеніи — *одинъ, другой, иной;* напримѣръ: *кому* сонъ, *кому* явь, *кому* кладъ, *кому* шишъ (47). Но въ языкѣ пословицъ мѣстоименіе *кто* даже и въ томъ случаѣ, когда оно стоитъ одиноко, часто употребляется въ смыслѣ *иной, кто нибудь,* и вообще, въ смыслѣ неопредѣленнаго мѣстоименія, напримѣръ.

1. Подъ *кѣмъ* ледъ трещитъ, а подъ нами ломится (32).
2. У *кого* въ клѣти покрали, а къ намъ съ выемкой (186).
3. *Кому* чудо, а намъ чадо (28).
4. На *кого* подыметъ, а на меня опуститъ (33).

Сюда же относится мѣстоименіе *чей*, замѣняющее собою родит. падежъ мѣстоименія *кто*.

5. *Чей* день завтра, а нашъ нонѣ (665).

Правда, ниже мы увидимъ, что мѣстоименіе *кто* (и *чей*) въ данныхъ выраженіяхъ, въ сущности, есть вопросительное и начинаетъ собою вопросительное предложеніе, зависящее отъ подразумѣваемаго главнаго предложенія, но это открывается только путемъ научнаго анализа; практическое же употребленіе придало относительному мѣстоименію *кто* въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ значеніе неопредѣленнаго мѣстоименія.

Мѣстоименіе *который* въ народномъ языкѣ пословицъ обыкновенно ставится рядомъ съ своимъ опредѣляемымъ въ придаточномъ предложеніи, или иначе: то существительное, къ которому относится мѣстоименіе *который*, ставится въ придаточномъ предложеніи, а не въ главномъ, какъ это принято въ литературномъ языкѣ.

1. *Которую овцу* волкъ задавитъ, та ужь не пищитъ (134).
2. *По которой рѣкѣ* плыть, ту и воду пить (215).
3. *Которая искра* не упала, та и не ожгла (174).
4. *Который родъ* любится, тотъ и высится (стар. о временщикахъ) (185).
5. *Въ которой посудинѣ* деготь побываетъ — и огнемъ не выжжешь (174).

Въ такихъ выраженіяхъ придаточное предложеніе непремѣнно предшествуетъ главному. Если же, на оборотъ, главное предложеніе ставится впереди придаточнаго, то указательнымъ мѣстоименіямъ главнаго предложенія въ придаточномъ почти всегда соотвѣтствуетъ не *кто* и не *который, -ая, -ое,* а *что* — для всѣхъ трехъ родовъ.

1. Не тотъ воръ, *что̀* крадетъ, а то воръ, *что̀* концы хоронитъ (159).
2. Нѣтъ такого человѣка, *что̀* бъ вѣкъ безъ грѣха прожилъ (11).
3. То не бѣда, *что̀* по карманамъ пошла (138).

2) Употребленіе союзовъ тамъ, гдѣ книжное словосочиненіе считаетъ ихъ излишними, несравненно ограниченнѣе въ языкѣ пословицъ, чѣмъ въ языкѣ древнихъ памятниковъ, былинъ, сказокъ, пѣсенъ.

Главная причина этого явленія заключается въ синтаксическомъ строѣ пословицы, какъ краткаго изреченія. Между тѣмъ какъ сказки, былины и прочія произведенія народнаго творчества слагаются изъ цѣлаго ряда предложеній, которыя необходимо связать хотя внѣшнимъ образомъ, — пословица состоитъ чаще всего изъ одного, двухъ и, вообще, изъ очень малаго числа предложеній; здѣсь мало простора для примѣненія къ дѣлу тѣхъ синтаксическихъ пріемовъ, какіе мы находимъ въ другихъ народныхъ произведеніяхъ. Притомъ, въ стихотворныхъ произведеніяхъ, независимо отъ указанной выше причины, желаніе соблюсти ритмъ также вело къ вставкѣ частицъ, ненужныхъ въ синтаксическомъ отношеніи; а въ языкѣ пословицъ встрѣчаются, и то изрѣдка, только слабыя попытки къ стихотворному размѣру.

Только два союза — *да* и *что* въ языкѣ пословицъ употребляются тамъ, гдѣ по правиламъ книжнаго словосочиненія они оказываются излишними.

Очень часто союзъ *да* ставится въ срединѣ предложенія для того, чтобы рѣзче выразить неестественность логической связи между понятіями, высказанными въ предложеніи до и послѣ этого союза. Выраженіе этого логическаго противорѣчія еще усиливается обыкновенно приставкою частицы *же* къ тѣмъ словамъ, которыя уже своимъ присутствіемъ должны были бы сдѣлать невозможнымъ логическое противорѣчіе и въ которыхъ, поэтому, лежитъ основаніе для сужденія, совершенно противоположнаго тому, какое высказывается. Вотъ примѣры такихъ выраженій:

1. За мой же грошъ *да* я же не хорошъ (122).
2. Вашими ножами *да* васъ же рѣжутъ (122).
3. За наше добро *да* намъ же рожонъ въ ребро (122).
4. За мое же добро *да* мнѣ же переломили ребро (122).

Возьмемъ для разбора 1-й примѣръ, чтобы нагляднѣе показать значеніе частицы *да* въ срединѣ предложенія. Если мы отбросимъ всѣ частицы, то увидимъ, что въ первой части предложенія—*за мой грошъ*— заключается основаніе для утвердительнаго сужденія: *я хорошъ*. Но такъ какъ на практикѣ оказывается совершенно противное, то-есть *я не хорошъ*, то для выраженія этого противорѣчія между основаніемъ и слѣдствіемъ и употребляется частица *да*.

Союзъ *да* нерѣдко вставляется также между главнымъ предложеніемъ и придаточнымъ сокращеннымъ въ видѣ дѣепричастія.

1. Попу, разъ оженившись, *да* на вѣкъ закаяться (943).

2. Дай боли воли,—полежавъ, *да* умрешь (212).

Въ нашихъ выраженіяхъ значеніе союза *да* легко опредѣляется съ измѣненіемъ дѣепричастій въ личныя и прилагательныя формы (вм. оженившись—оженился, полежавъ—полежишь), то-есть съ превращеніемъ простонароднаго строя рѣчи въ литературный.

Что̀ касается союза *что*, то онъ иногда въ зависимомъ вопросительномъ предложеніи ставится при словѣ, заключающемъ въ себѣ силу вопроса.

1. Не о томъ рѣчь, что виноватаго сѣчь, а о томъ, *что* гдѣ онъ? (485).

2. Не про то говорятъ, что съѣли, а про то, *что* куда дѣвали, чего не доѣли? (485).

3) Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ и вмѣстѣ типическихъ явленій въ языкѣ пословицъ составляетъ опущеніе союзовъ, и вообще словъ, служащихъ обыкновенно для сочетанія предложеній. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Изучая языкъ пословицъ, мы пришли къ убѣжденію, что въ однихъ случаяхъ отсутствіе союзовъ должно быть объясняемо недостаткомъ логическаго развитія у творцовъ пословицъ, а въ другихъ оно допущено для большей легкости и краткости рѣчи. Простой народъ, среди котораго создавались пословицы, конечно, не могъ ясно и отчетливо выражать всѣ разнообразные оттѣнки мысли: для человѣка съ начинающимся еще умственнымъ развитіемъ доступны только простѣйшія отношенія между понятіями [1]), напримѣръ: противоположность, сходство, мѣстная и временная послѣдовательность; но такія отношенія, какъ условіе, или основаніе и слѣдствіе, какъ причинная зависимость между мыслями, для него мало доступны. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ чувствуетъ только близость, связь между мыслями, но въ чемъ состоитъ эта близость, какая именно эта связь — для него не понятно. Потому онъ и въ языкѣ довольствуется, въ этомъ случаѣ, простымъ сопоставленіемъ предложеній безъ всякой грамматической связи. Это — одна изъ причинъ опущенія союзовъ. Другую мы указали въ стремленіи къ легкости, краткости и живости выраженія. Само собой понятно, что это стремленіе могло выражаться только въ тѣхъ случаяхъ, когда логическая связь между мыслями, по своей простотѣ, была вполнѣ доступна простому уму. Все это пред-

[1]) Съ точки зрѣнія такого человѣка мы должны были бы сказать: *между предметами*.

ставляется довольно яснымъ при ближайшемъ знакомствѣ съ пословицами; потому мы и переходимъ къ указанію и объясненію частныхъ случаевъ опущенія словъ, соединяющихъ предложенія.

Въ предложеніяхъ, которыя относятся между собою, какъ подлежащее и сказуемое, нерѣдко опускаются соединительныя слова *то* (мѣстоим.) — *что* (союзъ); напримѣръ:

1. Живетъ (то-есть бываетъ) порою — течетъ и вода горою (624).
2. Встарь бывало, собака съ волкомъ живала (307).
3. И жито забыто, и пито не въ честь (122).
4. Не дорого пито, да дорого быто (869).

Всѣ эти примѣры, если подставить въ нихъ опущенныя *то* — *что*, получатъ такой видъ: 1) Живетъ порою *то*, *что* течетъ и вода горою. — 2) Встарь бывало *то*, *что* собака съ волкомъ живала. — 3) И *то*, *что* жито, забыто, и *то* не въ честь, *что* (союзъ) пито. — 4) Не дорого *то*, *что* (союзъ, а не мѣстоименіе) пито, да дорого *то*, *что* быто.

Мы уже видѣли выше, что въ условныхъ предложеніяхъ первая часть, заключающая въ себѣ собственно основаніе, или условіе, можетъ выражаться въ русскомъ языкѣ *общею личною формою;* въ этомъ случаѣ, нашъ языкъ обходится безъ условныхъ союзовъ. Кромѣ того, въ языкѣ пословицъ условное предложеніе является въ слѣдующемъ видѣ: части его получаютъ такой строй, что по книжному словосочиненію непремѣнно должны бы быть соединены условными союзами, а между тѣмъ союзы эти опускаются.

1. Бояться несчастья — и счастья не будетъ (или: не видать). (Петръ I) (24).
2. Однѣ сласти ѣсть — горечи какъ узнаешь? (81).
3. Добрая земля — полная мошна; худая земля — пустая мошна (61).
4. Говоритъ (поетъ, играетъ) — хорошо, а замолчитъ — еще лучше (422).

Условные союзы *(если — то)* не употребляются для соединенія предложеній въ языкѣ пословицъ, какъ мы видѣли уже выше, потому что самая логическая связь условія съ слѣдствіемъ остается недоступною простому уму. Такъ, и въ приведенныхъ примѣрахъ, хотя условная связь между отдѣльными предложеніями очевидна, какъ напримѣръ, „если бояться несчастья — и счастья не будетъ“, однакожъ, простому уму эта связь оказалась недоступною, и это непониманіе отразилось въ языкѣ.

Въ языкѣ пословицъ нерѣдко встрѣчаются случаи опущенія союзовъ при обозначеніи времени. Конечно, въ этомъ случаѣ союзы опускаются для легкости и живости рѣчи, потому что нѣтъ ничего проще, какъ пониманіе отношеній, касающихся времени.

1. Тонулъ — топоръ сулилъ; вытащили — и топорища жаль (123).
2. Согрѣлся — осердился; простылъ — остудился (112).
3. Будетъ въ полѣ рожь, будетъ и въ людяхъ ложь (196).

Въ первыхъ двухъ примѣрахъ, очевидно, нужно подставить союзы: *когда*, *коли* и т. п. съ соотвѣтствующими *тогда*, *то*, или безъ нихъ, чтобы вышли слѣдующія полныя грамматическія выраженія: „*когда* тонулъ, топоръ сулилъ; (а) *когда* вытащили, *то* и топорища жаль"; „*когда* согрѣлся — осердился, *когда* простылъ — остудился". Въ 3-мъ примѣрѣ, по нашему мнѣнію, выпущены союзы — *доколѣ*, *пока* — *дотолѣ*: „*доколѣ* будетъ въ полѣ рожь, *дотолѣ* будетъ и въ людяхъ ложь".

Опускаются иногда противительные союзы — *а*, *но*, и замѣчательно, что, съ опущеніемъ ихъ, на словахъ, составляющихъ противоположность, дѣлается особенно сильное логическое удареніе.

1. Не хлѣбомъ живы, молитвою (8).
2. Не богатый кормитъ, тороватый (60).
3. Съ деньгами милъ, безъ денегъ постылъ (56).

Въ уступительныхъ предложеніяхъ, близкихъ по смыслу къ противительнымъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія два случая:

а) Иногда союзы вовсе опускаются, какъ напримѣръ:

1. Богу молиться — не вовсе разориться (то-есть надо заняться и мірскимъ) (9).
2. Пьешь у друга воду, слаще меду (858).
3. Въ горѣ жить — некручинну быть; нагому ходить — не сороматься (86).

б) Но чаще случается такъ, что союзъ *хотя* опускается, а соотвѣтствующіе ему союзы остаются.

4. Чужой мужъ милъ, *да* не жить мнѣ съ нимъ; а свой постылъ, волочиться съ нимъ (675).
5. И жаль батьки, *да* везти на погостъ (136).
6. Совѣсть безъ зубовъ, *а* загрызетъ (317).

Если эти примѣры дополнить опущенными уступительными союзами, то они получатъ слѣдующій видъ: 1) *Хотя* Богу (и) молиться, то-есть молись, *однако* не вовсе разориться, то-есть разорись. 2) *Хотя*

пьешь у друга (и) воду, *но* (она) слаще меду. 3) *Хоть* въ горѣ жить, *да* некручинну быть; *хоть* нагому ходить, *но* не сромиться. 4) *Хотя* чужой мужъ милъ, *да* не жить мнѣ съ нимъ; а свой *хотя* и постылъ, *однако* волочиться съ нимъ. 5) *Хотя* и жаль батьки, *да* везти на погостъ. 6) Совѣсть *хотя* и безъ зубовъ, *а* загрызетъ.

Въ раздѣлительныхъ предложеніяхъ очень нерѣдко опускаются союзы, напримѣръ:

1. Ушелъ, не ушелъ, а побѣжать можно (275).
2. Бойся, не бойся, а року не миновать (27).
3. Уловъ, не уловъ, а обрыбиться надо (Уральск. каз.) (276).
4. Сватъ, не сватъ, былъ бы добрый человѣкъ (414).

Если мы вставимъ, гдѣ слѣдуетъ, опущенные союзы, то 1-й примѣръ получитъ такой видъ: „ушелъ *ли*, не ушелъ *ли*, а побѣжать можно", или просто: „ушелъ, *или* не ушелъ, а побѣжать можно". Но, кромѣ союзовъ *ли — или*, можно также подставить повторяемые союзы *что* и *хоть*, напримѣръ: „*хоть* бойся, *хоть* не бойся, а року не миновать" (2); „*что* сватъ, *что* не сватъ (все одно), былъ бы добрый человѣкъ" (4 пр.).

Особенно часто опускаются винословные союзы. Что̀ касается причины этого явленія, то она уже высказана нами выше; а теперь приведемъ только примѣры.

1. Всякъ хлопочетъ, себѣ добра хочетъ (106).
2. Маленька собачка лаетъ, отъ большой слышитъ (171).
3. Нельзя говорить: сучковъ много въ избѣ (198).
4. Силенъ врагъ, и горами качаетъ (118).
5. Жаль дѣвки — потеряла парня (111).
6. Не кланяюсь богачу, свою рожь молочу (78).

Ясно, что въ каждомъ изъ этихъ примѣровъ между отдѣльными предложеніями скрывается причинная связь, которую можно выразить винословными союзами. Вставимъ для наглядности такіе союзы во 2-мъ, 4-мъ и 6-мъ примѣрахъ: „маленька собачка лаетъ, *потому что* отъ большой слышитъ" (лай); „силенъ врагъ, *ибо* и горами качаетъ"; „не кланяюсь богачу, *потому что* свою рожь молочу".

Кромѣ только-что разсмотрѣннаго вида, винословныя предложенія могутъ принимать и другой, совершенно обратный видъ. Въ каждомъ изъ приведенныхъ примѣровъ второе предложеніе заключаетъ въ себѣ основаніе или причину для перваго; но основаніе можетъ выражаться также въ первомъ предложеніи, и въ такомъ случаѣ второе предло-

женіе будетъ слѣдствіемъ или выводомъ изъ перваго. Въ послѣднемъ случаѣ, для обозначенія связи между основаніемъ и слѣдствіемъ, въ книжномъ языкѣ употребляются такъ называемые заключительные союзы: *слѣдовательно, итакъ, такъ, потому* и т. п. Въ народномъ же языкѣ пословицъ эти союзы обыкновенно опускаются, конечно, потому, что связь между основаніемъ и слѣдствіемъ выше пониманія творцовъ пословицъ.

1. Борода — трава, скосить можно (17).
2. Дѣвушка — не травка, не выростетъ безъ славки (758).
3. Голова не карнизъ, не приставишь (736).
4. Не лапчатъ гусь, не переплывешь; не перепелица, не перелетишь (737).
5. Не солнце, всѣхъ не обогрѣешь (на всѣхъ не угрѣешь) (691).

Вставимъ заключительные союзы въ 1-мъ и 5-мъ примѣрахъ: „борода—трава, *потому* скосить (ее) можно"; „не солнце, *слѣдовательно,* всѣхъ не обогрѣешь".

Въ сравнительныхъ предложеніяхъ, если не ошибаемся, постоянно опускаются союзы *какъ — такъ.* Вотъ, для примѣра, нѣсколько сравнительныхъ предложеній безъ союзовъ:

1. Лихихъ пчелъ подкуръ неймётъ, лихихъ глазъ стыдъ не беретъ (740).
2. Безъ солнышка нельзя пробыть, безъ милаго нельзя прожить (820).
3. Утинаго зоба не накормишь, судейскаго кармана не наполнишь (164).
4. Тьма свѣту не любитъ, злой добраго не терпитъ (106).
5. Алмазъ алмазомъ рѣшится (гранится), плутъ плутомъ губится (107).
6. Солью сытъ не будешь, думою горя не размыкаешь (126).

Это безсоюзіе въ сравнительныхъ предложеніяхъ (равно какъ и отрицательное уподобленіе, замѣтимъ мимоходомъ) составляетъ отличительную особенность народнаго языка. Въ книжномъ же языкѣ, какъ извѣстно, въ этомъ случаѣ употребляются сравнительные союзы: *какъ — такъ:* „*какъ* лихихъ пчелъ подкуръ неймётъ, *такъ* лихихъ глазъ стыдъ не беретъ"; „*какъ* утинаго зоба не накормишь, *такъ* судейскаго кармана не наполнишь". Иногда же употребляется только одинъ союзъ *такъ:* „алмазъ алмазомъ рѣшится, *такъ* плутъ плутомъ губится" (прим. 5).

4) Въ языкѣ русскихъ пословицъ нерѣдко встрѣчаются такіе случаи, что, при полно выраженномъ придаточномъ предложеніи, въ главномъ предложеніи нѣтъ ни сказуемаго, ни того слова, которымъ грамматически должно опредѣляться отношеніе главнаго предложенія къ придаточному. Вотъ примѣры такихъ сложныхъ предложеній:

1. Богатому — какъ хочется, а бѣдному — какъ можется (72).
2. Мужъ — какъ бы хлѣба нажить, а жена — какъ бы мужа избыть (397).
3. Ты — какъ бы ближе къ дѣлу, а онъ — про козу бѣлу (492).
4. Ты — какъ бы добыть, а люди — какъ бы отбить (75).
5. Ты — чтобы животъ поправить, анъ кишки вовсе вонъ лѣзутъ (37).
6. Ни передъ чѣмъ перекреститься, ни чѣмъ задавиться (65).

Въ первомъ примѣрѣ главныя предложенія могутъ быть дополнены и приведены въ грамматическую связь съ придаточными такимъ образомъ: „богатому *живется такъ*, какъ хочется, а бѣдному *живется такъ*, какъ можется". Во второмъ примѣрѣ при подлежащихъ — *мужъ* и *жена* можно подразумѣвать слова: *старается, заботится о томъ*. Эти же сказуемыя съ указательными мѣстоименіями могутъ быть подставлены въ 3, 4 и 6 примѣрахъ. Что касается 6-го примѣра, то здѣсь главное предложеніе скрыто въ частицѣ *ни*. Если на основаніи ея мы разовьемъ предложеніе, то 6-й примѣръ получитъ такой видъ: „ни *того нѣтъ*, передъ чѣмъ перекреститься; ни *того нѣтъ*, чѣмъ задавиться".

Въ языкѣ пословицъ, кромѣ того, встрѣчаются и такія выраженія, которыя отъ сейчасъ приведенныхъ отличаются еще тѣмъ, что и въ придаточныхъ предложеніяхъ нѣтъ союзовъ и какихъ бы то ни было словъ, которыя показывали бы отношеніе ихъ къ главнымъ. Такимъ образомъ предъ нами являются главныя предложенія безъ конца, а придаточныя безъ начала.

1. У людей вруны — заслушаешься, а у насъ вруны — соскучишься (202).
2. Дорога — хоть кубаремъ ступай (283).
3. Стужа да нужда — нѣтъ того хуже (или: нѣтъ ихъ хуже) (85).
4. Совѣтъ да любовь — на этомъ свѣтъ стоитъ (818).
5. Этотъ грѣхъ — и всего-то три пятницы молока не хлебать (228).
6. Капля — воробью глотка нѣтъ, а камень долбитъ (593).
7. Колосъ отъ колоса — не слыхать и голоса (1012).

Вникая въ смыслъ придаточныхъ, или объяснительныхъ предложеній въ данныхъ выраженіяхъ (то-есть „заслушаешься“, „соскучишься“, „хоть кубаремъ ступай“ и т. д.), легко замѣтить, что опущенныя сказуемыя въ главныхъ предложеніяхъ должны выражать качество подлежащихъ; точно также изъ сопоставленія подлежащихъ въ главныхъ предложеніяхъ съ предложеніями придаточными становится ясно, что послѣднія служатъ поясненіемъ сказуемыхъ въ главныхъ предложеніяхъ. На этомъ основаніи, пополняя пробѣлы въ приведенныхъ примѣрахъ, мы получимъ слѣдующія полныя грамматическія выраженія: 1) У людей *такіе* вруны, *что* заслушаешься; а у насъ *такіе* вруны, *что* соскучишься. 2) Дорога *такая* (гладкая, ровная), *что* хоть кубаремъ ступай. 3) Стужа да нужда *таковы* (такъ худы), *что* нѣтъ ихъ хуже. 4) Совѣтъ да любовь *таковы* (такъ могучи), что на нихъ (вм. „на этомъ“) свѣтъ стоитъ. 5) Этотъ грѣхъ *таковъ* (такъ ничтоженъ), *что* (за него) и всего-то три пятницы молока не хлебать. 6) Капля *такая* (такъ мала), *что* воробью глотка нѣтъ, а камень долбитъ. 7) Колосъ отъ колоса *такъ далекъ*, *что* не слыхать и голоса.

5) Одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ языкѣ русскихъ пословицъ составляетъ опущеніе цѣлыхъ предложеній. Опускаются обыкновенно цѣликомъ главныя предложенія и притомъ такія, которыя всякій легко можетъ представить себѣ и возстановить на основаніи придаточныхъ предложеній, зависящихъ отъ нихъ, или вносныхъ словъ.— Всѣ случаи опущенія главныхъ предложеній можно раздѣлить на два вида: главныя предложенія опускаются а) при зависящихъ отъ нихъ придаточныхъ предложеніяхъ, б) при вносныхъ словахъ.

а) Примѣры опущенія перваго вида:

1. Не самъ ковалъ — какой Богъ далъ (напримѣръ носъ) (176).
2. Не у всякаго жена Марья — кому Богъ дастъ (26).
3. Воры не родомъ ведутся, а кого бѣсъ свяжетъ (154).
4. Самъ не хвались, какъ люди похвалятъ (811).
5. Не хвались, нищій, сумою, какъ люди дадутъ (то-есть дадутъ ли еще) (818).
6. Не суйся къ капустѣ, какъ припустятъ (237).
7. Спитъ, какъ коней продавши (563).
8. Ходитъ, какъ пальцы растерявши (489).
9. Рано пташка запѣла, какъ бы кошка не съѣла (699).
10. Можно бы про это пѣсню спѣть, да чтобъ кого по уху не задѣть (732).

11. Не будь красна и румяна, а чтобы по двору прошла, да куръ сочла (772).
12. Чтò къ чему обычно: носъ къ табаку, шея къ кулаку (756).
13. Деньги — прахъ, а животы, чтò голуби, гдѣ поведутся (71).
14. Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало (914).
15. Цѣлы ль сани, а лошади пропали (696).
16. Цѣла ль шапка, а голова пропала (696).
17. Подъ кѣмъ ледъ трещитъ, а подъ нами ломится (32).
18. Чей день завтра, а нашъ нонѣ (665).

Чтобы образовать полныя грамматическія выраженія, возстановимъ въ приведенныхъ примѣрахъ главныя предложенія, на основáніи зависящихъ отъ нихъ предложеній придаточныхъ. Такимъ образомъ мы будемъ имѣть рядъ слѣдующихъ выраженій: 1) Не самъ ковалъ; а какой (напримѣръ носъ) Богъ далъ, *такой и ношу* (глаголы, разумѣется, могутъ мѣняться смотря по предмету, о которомъ идетъ рѣчь). 2) Не у всякаго жена Марья; *а у того жена Марья*, кому ее Богъ дастъ. 3) Воры не родомъ ведутся; а кого бѣсъ свяжетъ, *тотъ и сдѣлается воромъ* (или: тому и быть воромъ). — Въ примѣрахъ 4, 5 и 6 можно подразумѣвать одно и тоже главное предложеніе, именно: *пожди* или: *посмотри*, — напримѣръ: „самъ не хвались, *пожди (посмотри)*, какъ люди похвалятъ“. Въ 7 и 8 примѣрахъ, послѣ союза *какъ* опущены главныя предложенія, къ которымъ собственно и относятся дѣепричастія. 7) Спитъ (такъ), какъ *спятъ*, коней продавши. 8) Ходитъ (такъ), какъ *ходятъ*, пальцы растерявши. Въ 9 и 10 прим. опущенныя главныя предложенія, какъ можно заключить изъ придаточныхъ („какъ бы кошка не съѣла“, „чтобъ кого по уху не задѣть“), должны выражать *боязнь, страхъ, опасеніе*. 11) Не будь красна и румяна, а *пусть будетъ то*, чтобы (ты) по двору прошла да куръ сочла. 12) Чтò къ чему обычно, *то къ тому и идетъ:* носъ къ табаку, шея къ кулаку. 13) Деньги — прахъ, а животы, что (= какъ) голуби, гдѣ поведутся, *тамъ и размножатся*. 14) Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось — *все равно* (или: *это не важно*), лишь бы не плакало. — Въ 15—18 примѣрахъ придаточныя вопросительныя предложенія стоятъ въ зависимости отъ одного и того же опущеннаго сказуемаго — *неизвѣстно*, или: *не знаю, не знаемъ*, напримѣръ: „цѣла-ль шапка, *не извѣстно*, а голова пропала“ (то-есть это достовѣрно извѣстно); „подъ кѣмъ ледъ трещитъ, *не знаемъ*, а подъ нами ломится“; „чей день завтра, *не знаемъ*,

а нашъ конѣ“. — Приведя въ своемъ мѣстѣ примѣры 17 и 18-й и подобные имъ, мы сказали, что *кто* и *чей* употреблены въ смыслѣ неопредѣленныхъ мѣстоименій; здѣсь же мы признаемъ ихъ за вопросительныя. Но дѣло въ томъ, что тамъ мы имѣли въ виду тотъ непосредственный смыслъ, какой въ данныхъ выраженіяхъ придаетъ относительному мѣстоименію вседневное употребленіе; здѣсь же мы примѣняемъ уже научный анализъ къ разсматриваемымъ выраженіямъ. Этотъ же анализъ показываетъ намъ, какимъ образомъ вопросительныя мѣстоименія въ употребленіи переходятъ иногда въ неопредѣленныя; переходъ этотъ совершается при помощи глагола *не знаю (не извѣстно)*, обыкновенно подразумѣваемаго: выраженіе — *кто* — *не знаю*, или *не знаю* — *кто*, совершенно равняется неопредѣленнымъ мѣстоименіямъ: *кто-то, кто-нибудь, иной*.

б) Приведемъ теперь примѣры втораго вида, въ которыхъ главныя предложенія опущены при вносныхъ словахъ. Такъ какъ опущенные глаголы большею частію имѣютъ одно значеніе — *говоритъ, сказывать, спрашивать*, то, не разбирая каждаго выраженія отдѣльно, мы отмѣтимъ опущенные глаголы въ скобахъ.

19. Сулилъ свѣчку, а прошла бѣда *(говоритъ)*: ищи на мнѣ (153).
20. Сосватавшись, да *(спрашиваетъ)*: хороша ль невѣста? (381).
21. Не посѣявъ ни горсти, да *(говоритъ)*: пошли Богъ пригоршни (556).
22. Наступя на горло, да *(говоритъ, увѣряетъ)*: по доброй волѣ (926).
23. Укусивъ пирожка, да въ пазушку (то-есть положивъ его), *(говоритъ)*: помяни Богъ бабушку (533).

Замѣтимъ, что опущеніе глаголовъ при вносныхъ словахъ нигдѣ такъ не умѣстно и нигдѣ такъ часто не допускается, какъ въ живой устной бесѣдѣ: здѣсь тонъ голоса и жестикуляція могутъ живо и наглядно показать, что высказываются чужія, а не собственныя слова.

6) Переходимъ къ сліянію предложеній. Сливаются два предложенія (главное и придаточное) [1]) тогда, когда одно изъ нихъ, утративъ нѣкоторые члены, до такой степени поглощается другимъ, что обыкновенно мы почти и не замѣчаемъ слѣдовъ ихъ раздѣльнаго существованія. Впрочемъ, уцѣлѣвшіе члены слитаго предложенія только

---

[1]) О сліяніи предложеній, соединяемыхъ по способу сочиненія, намъ говорить нечего.

на первый взглядъ могутъ быть признаны второстепенными членами поглотившаго предложенія; на самомъ же дѣлѣ они сохраняютъ самостоятельное значеніе относительно этого предложенія. Покажемъ это на примѣрѣ: „они живутъ душа въ душу“. На первый взглядъ, слова: *душа въ душу* — представляются обстоятельствомъ образа дѣйствія при сказуемомъ — *живутъ: какъ* живутъ? душа въ душу. Между тѣмъ слова: *душа въ душу* не имѣютъ непосредственнаго синтаксическаго отношенія къ глаголу — *живутъ*; они составляютъ только часть такого поглощеннаго предложенія, которое дѣйствительно выражаетъ образъ дѣйствія: „они живутъ такъ, что *душа* (одного) входитъ *въ душу* (другаго)“.

Народный языкъ пословицъ представляетъ много замѣчательнѣйшихъ формъ сліянія предложеній, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ:

1. Есть *въ ротъ да въ глотъ,* такъ не надо и *въ прокъ* (747).
2. Не *къ мѣсту* печальна, не *къ добру* весела (969).
3. Только сорока *перо въ перо* родится (953).
4. Пестра сорока бѣлобока, а всѣ *одна въ одну* (799).
5. Живутъ *душа въ душу* (820).
6. Ѣдутъ — *дуга на дугѣ* (283).
7. *Зубъ за зубъ* браниться. *Звѣвъ въ звѣвъ* грызться (267).
8. Онъ ходитъ (или: говоритъ) *грудь на распашку* (191).
9. Полетѣлъ отъ Машки *вверхъ тормашки* (560).
10. *Часъ отъ часу* къ смерти ближе, а отъ спасенья дальше (11).
11. Не сули журавля *въ небѣ,* а дай синицу въ руки (716).
12. Синица *въ рукахъ* лучше соловья *въ лѣсу* (716).
13. Не столько роса *съ неба,* сколько потъ *съ лица* (удобряетъ нивы) (1009).
14. *Не во время* гость хуже (пуще) недруга (татарина) (698).
15. Не осуди *въ лаптяхъ,* сапоги въ саняхъ (говоритъ гость, входя) (173).

Сліяніе предложеній въ духѣ языка ведетъ къ очень важному результату: выраженія, не теряя ясности, пріобрѣтаютъ сжатость — одно изъ важныхъ достоинствъ языка. Возстановляя поглощенныя предложенія, мы замѣтимъ, что наши выраженія довольно тяжеловѣсны сравнительно съ народными выраженіями. 1) Есть, *что положить* въ ротъ да въ глотъ, такъ не надо *класть (запасать)* и въ прокъ. 2) Не *(идетъ)* къ мѣсту *то, что* ты печальна; не *(поведетъ)* къ

добру *то, что* ты весела. Здѣсь главное предложеніе поглощено придаточнымъ. 3) Только сорока родится *такъ, что* перо *выходитъ* въ перо. 4) Пестра сорока бѣлобока, а всѣ *таковы, что* одна *вышла* въ одну. 5) См. выше. 6) Ѣдутъ *такъ, что* дуга *стоитъ* на дугѣ. 7) Браниться *такъ, что* зубъ (одного) *задѣвается* за зубъ (другаго). Грызться *такъ, что* зѣвъ (одного) *запущенъ* въ зѣвъ (другаго). 8) Онъ ходитъ *такъ, что* грудь (у него) на распашку. 9) Полетѣлъ отъ Машки *такъ, что очутились* вверхъ тормашки. 10) *По мѣрѣ того, какъ* часъ *отходитъ* отъ часу, къ смерти (становится) ближе, а отъ спасенья дальше. 11) Не сули журавля, *который (летаетъ)* въ небѣ, а дай синицу въ руки. 12) Синица, *которая (находится)* въ рукахъ, лучше соловья, *который* — въ лѣсу. 13) Не столько роса, *падающая* съ неба, сколько потъ, *падающій* съ лица (удобряетъ нивы). 14) Гость, *который приходитъ* не во-время, хуже татарина. 15) Не осуди, *что я* въ лаптяхъ: сапоги въ саняхъ.

Къ этому мы считаемъ нужнымъ прибавить еще нѣсколько объяснительныхъ словъ. 1) Въ примѣрахъ 3, 5 — 9 главныя предложенія съ придаточными мы соединяемъ посредствомъ союзовъ *такъ что* на томъ основаніи, что слова, уцѣлѣвшія отъ поглощенныхъ придаточныхъ предложеній, при первомъ взглядѣ представляются обстоятельствомъ образа дѣйствія и этимъ даютъ намекъ на то, что они остались отъ предложеній, выражающихъ образъ дѣйствія. 2) Въ примѣрѣ 3-мъ — *перо*, въ 7-мъ — *зубъ* и *зѣвъ*, въ 8-мъ — *грудь*, въ 9-мъ — *тормашки* и въ 10-мъ — *часъ* мы принимаемъ за именительные, а не за винительные падежи, на основаніи аналогическихъ примѣровъ, существующихъ въ языкѣ: *душа въ душу, дуга на дугѣ, рука въ руку*, или *объ руку*.

Вслѣдствіе сліянія предложеній иногда образуется особый видъ приложеній, которыми опредѣляется какой-либо частный признакъ, или, точнѣе, какая-либо принадлежность предмета.

1. Стоитъ долина — *золотая вершина* (колокольня) (22).
2. Это щучка — *остренькій носокъ* (хитрецъ) (727).
3. Еще какого захотѣла — *во лбу мѣсяцъ, въ затылкѣ ясны звѣзды* (383).
4. Уродился дѣтина — *кровь съ молокомъ*, да чортъ горѣлки прибавилъ (888).
5. Дай море, съ берегомъ ровно, *донышко серебряно* (ковшъ съ пивомъ и монетой; свадеб.) (836).

6. Уроди Богъ хлѣба—*солома въ оглоблю, колосъ съ дугу, зерно съ напалокъ* (набалдашникъ) (836).

Отмѣченныя нами приложенія—ни что иное, какъ уцѣлѣвшія подлежащія отъ придаточныхъ предложеній, слившихся съ главными, и кстати замѣтимъ, что эти придаточныя предложенія, бывъ возстановлены, обыкновенно начинаются съ относительнаго мѣстоименія—*у котораго,—ой,*—напримѣръ: „Стоитъ долина, *у которой* золотая вершина"; „Уроди Богъ хлѣба, *у котораго* солома въ оглоблю, колосъ съ дугу, зерно съ напалокъ".

Чрезъ сліяніе предложеній, несомнѣнно, образовались и слѣдующія народныя выраженія:

1. *Спать* не сплю, *дремать* не дремлю, а все думаю думу (462).
2. *Глядѣть* глядитъ, а *видѣть* ничего не видитъ (525).
3. Онъ *бить* не бьетъ, только страсть даетъ (212).
4. *Нарожать* нарожала, а *научить* не научила (408).
5. *Любить* хоть не любила бъ, да почаще взглядывала (383).
6. *Спорить* спорь, а браниться грѣхъ (269).
7. *Глядѣть* гляди, да кругомъ обходи (239).
8. *Шутить* шути, да людей не мути (968).

Вопросъ о томъ, какъ составились эти выраженія, въ настоящее время не можетъ быть рѣшенъ хотя сколько-нибудь удовлетворительно, потому что исторія языка, которая только и можетъ помочь въ этомъ дѣлѣ, не представила еще данныхъ, необходимыхъ для рѣшенія этого вопроса. Мы можемъ пока объяснить только значеніе существительной формы глагола при сказуемомъ въ этихъ выраженіяхъ. По нашему мнѣнію, существительная форма въ этомъ случаѣ употребляется съ тою цѣлію, чтобы съ возможно-большею точностью опредѣлить и какъ бы спеціализировать то понятіе о дѣйствіи, которое выражается сказуемымъ. На этомъ основаніи примѣръ 2-й мы объясняемъ такимъ образомъ: „Если разумѣть дѣйствіе, точно выражаемое словомъ—*глядѣть*, то онъ совершаетъ это дѣйствіе—*глядитъ;* если же разумѣть то дѣйствіе, которое въ языкѣ называется глаголомъ—*видѣть*, то онъ *ничего не видитъ*". Точно также мы понимаемъ существительныя формы и въ другихъ примѣрахъ, независимо отъ формы сказуемыхъ, при которыхъ онѣ стоятъ; хотя, можетъ-быть, форма сказуемыхъ и придаетъ особенный оттѣнокъ ихъ значенію.

Къ числу выраженій, образовавшихся изъ сліянія предложеній, относятся также слѣдующія:

1. *Людно-то людно*, да человѣка нѣтъ (317).

2. *Есть-то есть*, да не про вашу честь (241).

Относительно выраженій этого рода мы сдѣлаемъ два замѣчанія: 1) Вмѣсто ихъ въ книжномъ языкѣ употребляются уступительныя предложенія; такъ, 1-й примѣръ книжною рѣчью былъ бы выраженъ такимъ образомъ; „Хотя и людно, да человѣка нѣтъ". 2) Смыслъ этихъ тавтологическихъ выраженій заставляетъ думать, что они образовались изъ отдѣльныхъ предложеній чрезъ опущеніе *что-то:* „*Что* людно, *то* справедливо—людно, да человѣка нѣтъ"; „*Что* есть, *то* вѣрно — есть, да не про вашу честь". Такое происхожденіе разбираемыхъ выраженій подтверждается, по видимому, и тѣми обстоятельствами, при которыхъ они высказываются: это бываетъ или послѣ вопроса (людно-ли? есть-ли?), или послѣ простаго утвержденія однимъ изъ собесѣдниковъ, что-де *людно, есть;* но никогда такія выраженія не произносятся безъ котораго-либо изъ этихъ поводовъ. Такимъ образомъ связь ихъ съ предыдущею рѣчью несомнѣнна, а это и даетъ силу нашей догадкѣ о ихъ происхожденіи.

7) Въ вопросѣ о сокращеніи предложеній въ языкѣ русскихъ пословицъ мы должны ограничиться только существительною формой глагола и такъ-называемымъ дѣепричастіемъ; потому что всѣ другія сокращенія не представляютъ ничего любопытнаго.

Въ существительную форму сокращаются полныя придаточныя предложенія, начинающіяся съ союзовъ *что* и *чтобы*.

1. Коротки ноги у миноги на небо *лѣзть* (922).

2. Женатому *учиться* времячко ушло (451).

3. Ждутъ Ѳому: чаютъ *быть* уму (462).

4. Онъ сказываетъ зайца въ вершѣ, щуку въ капканѣ (202).

Въ первыхъ двухъ примѣрахъ существительная форма замѣняетъ предложенія, выражающія цѣль и, слѣдовательно, начинающіяся съ *чтобы:* „Коротки ноги у миноги *для того, чтобы* на небо лѣзть"; „*Для того, чтобы* женатому учиться, времячко ушло". Въ 3-мъ примѣрѣ въ существительную форму глагола съ дательнымъ дополненія сократилось придаточное предложеніе, начинающееся союзомъ *что:* „Ждутъ Ѳому: чаютъ, *что* (у него) *есть умъ*". О такомъ сокращеніи профессоръ Буслаевъ говоритъ слѣдующее: „Сокращаются у насъ въ неопредѣленное наклоненіе съ подлежащимъ преимущественно такія придаточныя, въ которыхъ сказуемымъ бываетъ вспомогательный глаголъ. А такъ какъ этотъ глаголъ можетъ опускаться, то обыкновенно

мы употребляемъ сокращенное предложеніе безъ неопредѣленнаго *быть:* такъ что вставка этого глагола бываетъ уже противна русскому словосочиненію. Напримѣръ, въ Шуйск. Акт. „Ивашко Охапкинъ сказалъ себѣ отъ роду двадцать пять лѣтъ“ (= что ему 25 лѣтъ, = сказалъ себѣ быть 25 лѣтъ). У Пушкина „полагая его въ разъѣздахъ“ (= что онъ въ разъѣздахъ, = быть его или ему въ разъѣздахъ)“. (Истор. Граммат. § 276, стр. 347). Такимъ образомъ въ 4-мъ прим. опущена существительная форма глагола — *быть:* „Онъ сказываетъ зайца *быть* въ вершѣ, щуку *быть* въ капканѣ“. А это выраженіе въ свою очередь сократилось изъ слѣдующаго: „Онъ сказываетъ, что заяцъ въ вершѣ, щука въ капканѣ“ (то-есть что заяцъ попался въ вершу, а щука въ капканъ).

Въ *дѣепричастіе,* какъ извѣстно, сокращаются *обстоятельственныя* предложенія; такимъ образомъ дѣепричастіе сближается съ *нарѣчіемъ.* Но исторія языка показываетъ, что наше дѣепричастіе въ то же время есть прилагательная форма глагола (причастіе). На этомъ основаніи, дѣепричастіе, заключая въ себѣ обстоятельственный смыслъ, можетъ служить въ тоже время замѣною прилагательныхъ, или причастныхъ формъ глагола въ разныхъ падежахъ. Въ языкѣ пословицъ мы остановимъ вниманіе только на тѣхъ случаяхъ употребленія дѣепричастія, когда оно замѣняетъ собою прилагательныя формы въ косвенныхъ падежахъ, или, другими словами, когда оно относится не къ подлежащему, а къ дополненію.

1. *Не бывавъ,* дѣвушкѣ замужъ хочется (718).
2. *Не видавъ,* дѣвушкѣ вѣрится (счастье замужемъ) (718).
3. Отрыгается масломъ, *глядючи* на коровій слѣдъ (741).
4. *Посоля,* все съѣстся (901).
5. *Говоря* про людей, устанется, а *слушая* про себя, достанется (763).
6. *Покрякивая,* пьется, *похрамывая,* живется (889).
7. *Бившись* (то-есть бьючись) съ коровой — не молоко (206).
8. *Бившись* съ козой — не удой (206).
9. *Не видавъ* вечера и хвалиться нечего (540).
10. *Живучи* одной головкой, и обѣдъ варить не ловко (380).
11. *Не пьвши* тощо, а *попьвши* тошно (896).
12. Не пригоже ѣсть *лежа* (753).
13. *Живучи* въ Москвѣ, пожить и въ тоскѣ (347).
14. Рано вставши, больше наработаешь; рано *женившись,* скорѣе помощь будетъ (563).

Всѣ эти дѣепричастія удобно замѣняются дательнымъ падеж прилагательныхъ формъ, напримѣръ: „*небывавшей* (замужемъ) дѣвуш замужъ хочется“; „*посоливешему* все съѣстся“; „рано *женившему* скорѣе помощь будетъ“. Въ то же время эти дѣепричастія закл чаютъ въ себѣ и обстоятельственный смыслъ, — напримѣръ: „*ко посолишь*, все съѣстся“.

Въ слѣдующихъ выраженіяхъ дѣепричастіе удобно замѣняется п лагательною формой въ родительномъ падежѣ съ предлогомъ *у*.

15. *Лежа* цѣла одежа, да брюхо со свищемъ (551).

16. *Терпя*, горе скажется (26).

17. Пошла стряпня, рукава *стряхня* (484).

18. Бобы не грибы: *не посьявъ* не взойдутъ (548).

19. *Не терши, не мявши*, не будетъ и калачъ (551).

Такимъ образомъ 15-й примѣръ = выраженію: „*У лежаг* цѣла одежа, да брюхо со свищемъ“; 16-й примѣръ = „*У терпяг* горе скажется“; 17-й примѣръ = „Пошла стряпня *у стряхнув* рукава“; 18-й примѣръ = „Бобы не грибы: *у не посьявшаго* взойдутъ“; 19-й примѣръ = „*У не тершаго, у не мявшаго* не буд и калачъ“.

20. Хорошая ѣжа не придетъ *лежа* (551).

Въ этомъ примѣрѣ дѣепричастіе можетъ быть замѣнено тол прилагательною формой въ дательномъ падежѣ съ предлогомъ „Хорошая ѣжа не придетъ *къ лежащему*“.

Въ заключеніе приведемъ пословицу, въ которой дѣеприча употреблено вмѣсто прилагательной глагольной формы въ вините номъ падежѣ средняго рода:

21. *Стоя* не валяй, а *лежа* подбирай (631), то-есть стоя или стоячее не валяй, а лежащее или лежачее подбирай.

Формы — *стоя* и *лежа* должны быть разсматриваемы здѣсь, к древнія формы причастія настоящаго времени средняго рода.

ИЗДАНІЯ
КНИГОПРОДАВЦА Я. А. ИСАКОВА.

КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА:

Польза изданія лучшихъ произведеній русской литературы для из-ченія ихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ признана почти всѣми пр-подавателями русской словесности. Чтобы удовлетворить этой потребност мы предприняли изданіе «Классной Библіотеки» и до сихъ поръ изда нижеупомянутые 10 выпусковъ. Редакцію и коментированіе приняли на се Гг. *Стоюнинъ*, *Басистовъ* и *Гарусовъ*.

I. **Борисъ Годуновъ.** — Трагедія **А. С. Пушкина.** Редакція и примѣ Стоюнина. Ц. 35 к. с.
Одобренъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія (сообщено отношеніемъ 2 Марта 1869 года, № 3077) и Святѣйшимъ Сунодомъ (сообщено 15 Іюня 1869 № 2830).

II. **Полтава,** соч. **А. С. Пушкина.** Редакція и примѣч. Стоюнина Ц. 25 к. с.

III. **Капитанская дочь,** соч. **А. С. Пушкина.** Редакція и примѣч Стоюнина. Ц. 50 к. с.

IV. **Моцартъ и Сальери,** соч. **А. С. Пушкина.** Редакція и примѣч Стоюнина. Ц. 10 к. с.

V. **Скупой рыцарь,** соч. **А. С. Пушкина.** Редакція и примѣч. Стою-нина. Ц. 20 к. с.

VI. **Горе отъ ума,** соч. **Грибоѣдова.** Спб. 1872 Ц. 15 к. с.

VII. **Горе отъ ума,** соч. **Грибоѣдова.** Редакція и примѣч. Гарусова Ц. 25 к. с.

VIII. **Недоросль,** комедія **Фонъ-Визина.** 1873 г. Ц. 15 к. с.

IX. **Сочиненія Ломоносова.** Съ очеркомъ его жизни и дѣятель-ности. Ц. 75 к. с.
Всѣ выпуски одобрены 4 Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канцеляріи (сообщено при отношеніи 17 Ноября 1869).

X. **Антигона,** трагедія Софокла перев. съ греческаго В. Водово-зова. Ц. 25 к. с.

XI. **Ифигенія,** трагедія Гёте, перев. В. Водовозова. Ц. 25 к. с.

XII. **Ифигенія** въ Тавридѣ, трагедія Еврипида, пер. Басистова. Ц. 25 к. с. (печатается).

XIII. **Мѣдный всадникъ А. С. Пушкина,** ред. и примѣч. Стоюнина. Ц. 15 к. с.

XIV. **Лирическія стихотворенія А. С. Пушкина,** редакція и при-мѣч. В. Стоюнина (печатаются).

КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА постоянно будетъ дополняться дальнѣйшими выпусками. Издатель предполагаетъ довести ее до 25—30 выпусковъ, помѣ-щая въ нихъ, по совѣту редакторовъ, не только произведенія отече-ственныхъ писателей, но и иностранныхъ.